

18+

Дмитрий Ключников
Гальяна Доброхотова

В кровавых объятиях Кали

Татьяна Доброхотова

В кровавых объятиях Кали

«Издательские решения»

Доброхотова Т.

В кровавых объятиях Кали / Т. Доброхотова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-968276-5

Остросюжетный роман фэнтези. Приключения начинаются в туристическом Гоа, потом герои отправляются в другие штаты. И как всегда в Индии — рядом с людьми боги: помогают, направляют, любят, наказывают и карают. Всё — как в реальной жизни. Наблюдая за захватывающим сюжетом, читатель узнает много интересного о культуре и традициях этой древней загадочной страны.

ISBN 978-5-44-968276-5

© Доброхотова Т.
© Издательские решения

Содержание

Для знакомства и представиться	6
Повторение жульнического чуда в далёком Непале	9
Глава первая	10
Глава вторая	14
Глава третья	23
Берлога колдуна в Непале	28
Глава четвертая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

В кровавых объятиях Кали

Дмитрий Ключников

Татьяна Доброхотова

*Во тьму веков та ночь уж отступила,
Когда, устав от злобы и тревог,
Земля в объятиях неба опочила,
И в тишине родился С-Нами-Бог...
Он здесь, теперь – средь суеты случайной
В потоке мутном жизненных тревог.
Владеешь ты всерадостною тайной:
Бессильно зло; мы вечны; с нами бог.*

Владимир Соловьев.

Ирина (Irina Di) Диденко *Иллюстратор*

Дарья Бантле *Дизайнер обложки*

© Дмитрий Ключников, 2019

© Татьяна Доброхотова, 2019

© Ирина (Irina Di) Диденко, иллюстрации, 2019

© Дарья Бантле, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-8276-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Для знакомства и представиться

Здравствуйте. Я такой себе Дмитрий. Место действия – очень ненадолго! – Новосибирск. Время – утро. Свежее ноябрьское раннее утро. Еще долго будет темно за окном. Там холодный дождь и мокрый снег, слякотно, стыло. Только половина четвертого на часах. Через пятнадцать минут в дверь позвонит мой друг и всегдашний соискатель приключений Коська. А еще через тридцать минут нас уже будет ждать такси, чтобы увезти в аэропорт. Впереди у нас Индия. Манящая, жаркая, сказочно грязная и великолепная Индия.

Каждый год, в течение уже многих лет, мы проводим свой отпуск в Гоа. Самыми разными маршрутами добираемся в это богом поцелованное место. По пути посещаем другие города и страны, чтобы расширить свой кругозор и утолить жажду странствий. Но цель и конечный пункт маршрута всегда один, известный заранее, ожидаемый и неперемный – Гоа. Именно сюда мы стремимся, мечтаем, ждем долгие месяцы, считаем дни и часы.

Не могу точно и с определенностью, которая удовлетворила бы меня самого, ответить на часто задаваемый мне друзьями и родственниками вопрос. Почему Индия? Почему именно Гоа? Есть же много других уголков на планете, где можно отлично провести время. Нет у меня для них четкого ответа. Нет возможности выделить какое-то конкретное обстоятельство, что так повлияло на мой выбор. Больше того, я не знаю ни одного любителя Индии и поклонника Гоа, который смог бы не туманно и расплывчато, а конкретно и четко ответить на эти вопросы. Могу сказать определенно и точно только одно. Я никогда и нигде не чувствовал себя более свободным и счастливым, чем в Гоа! Это место, отмеченное богами. Здесь они тебя слышат. И даже отвечают тебе. Здесь на физическом уровне ощущаешь воздействие таинственной энергии Вселенной. Она буквально переполняет твое существо, вызывая порой непроизвольные слезы счастья. Здесь просто живешь, оставаясь наедине с самим собой, природой, Вселенной. Десять дней своей обычной жизни в социуме можно смело променять всего лишь на один день в Гоа. И это будет честная сделка!

В Гоа мы живем всегда в одном городке – Кандолиме. И там нас давно уже знает каждая собака. Да-да, это не для красного словца, а все так и есть. Псины подходят на улицах здороваться, лезут под наш стол в кафе, в общем – всячески демонстрируют удовольствие видеть нас снова из года в год.

Знаете, как обычно происходит наш первый променад по центральной улице? Эмоции – не передать! Торгаши, таксисты, люди – все те же, что и в прошлые года. Узнают, руками машут, бегут здороваться, кто-то даже лезет обниматься. Одни изменились сильно, другие совсем нет. У некоторых от удивления тяпки отвисают – узнали! Пальцем тычут, чего-то своим знакомым про нас говорят, руками машут, как разводящие на взлетке. Как-то жена хозяина ресторана, где мы обычно столовались, на радостях всю свою жизнь прошедшего года нам выложила, как на духу. Уложила в 10 минут скороговоркой. И что она беременна на третьем месяце. И что болела сильно, только оправилась. И что не знает, кто у нее родится, да и не хочет знать. И что все индийцы – идиоты, раз истерят по поводу девочек. У нее одна есть, и вторую с радостью, если что, заведет! И много чего еще наговорила. И знаете, в такие моменты очень хочется верить, да по большому счету, и верилось всегда, что все эти люди нам по-настоящему рады. Что не только цифры в рупиях у них на тот момент образно возникли в голове при виде нас.

На этот месяц, что мы собираемся провести в Гоа, запланировано много разных встреч. За несколько лет у нас накопилось огромное количество друзей и просто знакомых, они приезжают туда как раз в то же время, что и мы. И еще друзья-индийцы, с ними тоже велико желание пообщаться. И, конечно, самый преданный и главный наш друг – Ренни! Брамин, ювелир, бизнесмен и... просто очень хороший друг и человек. Один из первых наших местных друзей

в Гоа. Он учился на врача в Питере и до сих пор отлично говорит по-русски и по-прежнему обожает нашу северную столицу. Познакомились мы с ним по одной простой причине: я с ума схожу от хороших драгоценных камней. Как увижу что-нибудь стоящее – прямо в ступор впадаю. Мне кажется там, внутри, в призрачном волшебном свете творится какая-то своя жизнь, отдельная и недоступная нам, и если долго глядеться – можно чуть-чуть разглядеть, понять, узнать.

Заселяемся мы последнее время к Мери. Тоже забавный персонаж на нашем жизненном пути. Мери живет с семьей на первом этаже своего огромного дома, а на втором находятся квартиры, которые она и сдаёт отдыхающим. Собственно, тем и жива. Муж нашей хозяйки упокоился уже несколько лет назад, и потому вся тяжесть по управлению таким большим хозяйством легла исключительно на ее хрупкие португальские плечи. Почему португальские? Да потому, что Гоа – это бывшая португальская колония. Из нее в течение нескольких сотен лет страна-паразит, высасывала все, что можно и нельзя, и успешно населяла своими отпрысками. Вот и Мери тоже – как раз из потомков португальцев-завоевателей, правда, давно ассимилировавшихся на благословенном индийском побережье. Во дворе ее дома стоит огромный мраморный католический крест, но честно сказать, за все время знакомства я ни разу не видел, чтобы она отправилась в церковь, а католических храмов в Гоа хватает. И место для пуджи в ее доме тоже имеется. Понятно, Гоа – такое место, где сплелись разные верования, обычаи, религии. Здесь все уживается вместе вполне миролюбиво.

Правда, для русского человека некоторые, даже необходимо каждодневные бытовые привычки, часто кажутся, мягко говоря, странными, а то и просто взрывают мозг своей непонятностью. Помню, как-то я вошел в нашу спальню и, разинув рот от удивления – замер, не имея возможности сообразить, что же произошло с койкой. Мери постелила странное постельное белье. На узоре из маленьких крестиков был нарисован огромный красный прямоугольник с черным католическим крестом. Не знаю уж, что эти символы означают у индусов, вполне может быть, что пожелания добра и счастья, но от двери определенно казалось, что у нас на кровати стоит самый настоящий гроб. Ничего себе так впечатлительнице. Конечно, я сразу помчался к Мери с требованием заменить безобразие. Мне долго пришлось объяснять ей, что почивать на таком кошмаре я не имею никакой возможности, потому как у меня с детства стойкая боязнь всяческих кладбищенский причиндалов. До сих пор не уверен, что она поняла, но постельное белье заменила.

Одновременно мне сразу вспомнилось, что в Шри Ланке, например, на свадьбе у невесты в руках обычно букет из пластика, так принято. Наши девки, если выходят туда замуж – шокируются до невозможности. Тоже аналогия с кладбищем налицо.

Про хрупкие плечи Мери я, может, и погорячился. На деле – женщина она увесистая и боевая, со своим обширным хозяйством справляется вполне себе успешно.

Имеется у нас с Коськой и любимая шека на пляже, и любимый ресторан, конечно. Везде нас как родных принимают, обнимают при встрече, целуют, о себе рассказывают, новости, что за год накопились, сразу сообщают. Торговцы из всех лавок приветственно машут, к себе зовут, мы их всех давно по именам знаем. Словно и не в чужой стране, а в деревне у родной бабушки на каникулах, с той лишь разницей, что уже все можно и дозволено, ты взрослый.

Тут вот еще какой момент надо осветить. Если вы думаете, что мы с Коськой полиглоты какие-нибудь, то сильно заблуждаетесь. Вовсе нет. И это не смотря на солидный опыт путешествий и количество стран позади. Просто у нас на полузабытый школьный английский наложились со временем местные расхожие выражения и характерные языковые особенности, достаточные, чтобы кое-как распознать, о чем там местные нам лопочут. Что-то понимаем, об остальном просто догадываемся, кое-что приходится самим додумывать. Но нам хватает, никогда, вроде, никакого недопонимания не возникало. Обходимся. Это я к тому, что про

индусов, чего они там и как говорили – я рассказывать буду так, как сам понял. По-другому, увы, не умею.

Ну и про Коську еще несколько слов. Он мой самый первейший друг и злостный единомышленник во всем, мы знакомы столько лет, что сами уже не помним точно. Сто, а может, тысячу. По-моему, так всегда. Наша дружба началась еще с сопливого возраста на детской площадке возле дома, где нас выгуливали наши мамы-подружки. Вроде, мы так особо и не дружили сначала, даже по паре фонарей друг от друга поимели в раннем отрочестве, разница в возрасте сказывалась. Но после все время сталкивались носами, то в школьном коридоре, а потом и в аудиториях института. Так что, уже и сопротивляться перестали, и подружились уже сознательно и навсегда.

По профессии мы – инженеры. Только сами знаете, как сейчас с работой и профессиями дела обстоят. Коська потом еще второе образование получил, художественное, всегда хорошо рисовал. И где мы только ни работали, чем ни занимались, наверное, все перепробовали, что только вокруг есть. Даже артель по заготовке грибов и ягод с идиотским названием «Сумасшедшая Белка» как-то основали, но только недолго она просуществовала. Сами мы ничего собирать не планировали, а у заготовителей тогда одна валюта была – бутылка. Набили мы всю имеющуюся в квартирах мебель бухлом, но как-то не сложилось, что собственно, и вполне закономерно с таким-то затейливым названием. А запасы потом еще несколько лет допивали с друзьями и родственниками.

На сегодняшний день у Кости своя дизайн-студия, вполне себе успешная и на слуху у городского контингента, а я проектирую торговые помещения. Не так чтобы очень жирно было, булки с икрой по полу не валяются, но жить можно, с голоду не умираем, хоть и не шикую особо.

С тех пор, как у Коськи появилась своя студия, он постоянно экспериментирует с внешностью. Как говорится, сам себе манекен и стилист в одном лице. Сегодня он байкер в кожаной куртке с шипами и перчатках без пальцев, что вызвало во мне немедленно непереносимое сравнение его с кондуктором, страшно обидевшее модника. Завтра – унылый растаман с дредами и трилистниками на самых разных местах. А потом еще что-нибудь придумает. Но смотрится это все весело, и как-то очень стильно. Вкус у Кости, бесспорно, есть.

В данный момент мы оба холостякуем. Я давно, еще в институте женился, дочку вырастили, а потом поняли как-то, что не сложилось, живем вместе только по привычке, не пойми из-за чего. И разбежались каждый по своим делам и жизням, без претензий друг к другу. Вроде, ни о чем не жалею. Внуки общие будут, еще встретимся.

А у Коськи любовь была, неземная как в песнях поется и в сказках рассказывается. Только любой сказке всегда конец наступает, а в жизни не всегда хороший, даже чаще плохой, почти всегда. Вот он после этого конца решил больше не экспериментировать, чтобы опять не нарваться, никогда. Или это ему пока еще сейчас кажется, что никогда, время покажет.

Мы так давно дружим, что понимаем друг друга уже с полувздоха, полуслова, даже внешне чем-то похожи: два таких крепких мужичка-бодрячка, тренажерный зал тоже вместе посещаем. Только Коська загорает лучше, два дня, и он уже негр, в темноте мимо можно пройти и не заметить, одни ладошки розовые сверкают. А я обычно, как все. Еще Коська, он скромный очень, с чужими все больше молчит, если только его из себя не вывести, в гневе он страшен становится. Так что рассказывать обо всем мне придется, одному.

Да, кстати, как-то скудно я вначале представился, только и сообщил, что меня Дмитрием зовут. Даже сколько мне лет, не сказал. Что ж, возраст у нас с Коськой такой... Как бы пояснее намекнуть? Ну, в пионерских галстуках мы когда-то ходили, и что такое СССР – еще помним. Только Коська на пару лет старше меня. Что ж, исходная ситуация и главные действующие лица так сжак очерчены. Можно начинать.

Повторение жульнического чуда в далёком Непале

Хмурый вечер спустился на затерянную далеко в горах маленькую деревушку. Низкие, морозящие облака, опустившись к остывающей к ночи земле, только чудом каким-то не просачивались в разошедшиеся двери каменных халуп. Жители деревни, как всегда, улеглись рано. И лишь брехливые псы изредка беспокоили только что родившуюся и еще неокрепшую вечернюю тишину.

Но в одной халупе, самой большой и стоявшей чуть выше на склоне, никто на покой не собирался. Обитатель её ждал подходящего момента. Moments для того, чтобы совершить далеко не благовидный поступок.

Посреди просторной, но грязной комнаты стояло ни то кресло, ни то, потертый и завшивленный, но трон. В нем восседал неопрятный, с пропитым лицом мужик неопределенного возраста. Удушливо дымили черной гарью масляные светильники давно не чищеной, позеленевшей бронзы. Слева, на маленьком столике, располагался неременный атрибут существования хозяина – кувшин с вином, а прямо перед ним, на расстоянии вытянутой руки – старинное зеркало из полированного серебра. Круглое и очень большое, в давно потемневшей старинной раме. Но странное дело, в зеркале не было отражения пропойцы. В нем отражалась деревня. Вся. Полностью. До малейших деталей можно было разглядеть и дома, и псов, и нехитрую утварь, бестолковыми хозяевами не убранную на ночь со дворов. Но что еще интересней – можно было увидеть и самих жителей, ведь каменная кладка стен стала прозрачной как стекло. Вот именно жители деревушки в тот момент интересовали пропойцу.

Один единственный пасс рукой над поверхностью зеркала, и на деревню опустился голубоватый, местами с розовыми неровными кляксами, туман. Он расплзался по деревне очень медленно, постепенно. Как ленивое животное – проникал сквозь щели дверей и окон, и столь же лениво, но неотвратимо творил свое черное дело. Жители деревни не проснутся еще очень долго. Они будут спать не менее двух дней и ночей.

Старый алкаш остался доволен своей работой. Как шкодливый дьяволеныш, в предвкушении завладения душой грешника потирает свои мохнатые лапки, так и он, криво усмехаясь в пьяном угаре, потирал свои крючковатые, с обгрызенными ногтями безвозрастные руки. Что ж... Теперь можно со спокойной душой идти и грабить свой народ. Брать все, что приглянется, и отправлять на соседний рынок, что находится в нижней деревне. Кувшины с драгоценной влагой стоят денег, и он давно привык пополнять пустую казну за чужой счет.

Позже, когда местное население очнется от волшебного сна, непременно будут разборки. Они придут к его дому, кто с топорами, кто с вилами, серпами... Они будут негодовать и требовать. Они попытаются даже схватить его и сжечь, но... Все случится, как и раньше. Как случается каждый месяц. Из столетия в столетие. Он их уговорит. Он будет каяться и ссылаться на свой старый пропитый мозг и беспамятство. Он будет стоять на коленях и предлагать свою защиту от злых духов и людей. Из месяца в месяц... Из года в год... Из столетия в столетие... Он уговорит. Он знает, как.

Глава первая

Путешествие начинается. Стамбул и Мумбай.

Первая оранжевая странность на нашем пути

В этот раз наша дорога была спланирована так, что предстояло посетить Стамбул, а затем Мумбай. Два совершенно непохожих друг на друга города, абсолютно полярные миры.

Все начиналось как всегда. Привычная обстановка аэропорта радовала началом путешествия, но одновременно волновала. Все же не каждый день тебя запирают в замкнутом пространстве самолета и уносят за тридевять земель со скоростью девятисот километров в час. К этому привыкнуть невозможно, ибо небо человеку совсем не родной дом. Но в этот раз волновался я уж как-то слишком сильно, необычайно. Даже Коська заметил.

– Завязывай.

– Чего завязывать? – непонимающе смотрю я на своего попутчика.

– Завязывай соседний стул ногой долбить и вернись в реальность. У тебя лицо потерявшего карамельку ребенка. Скажем так: идиотски-удивленное лицо с налетом кретинизма. Косоглазия для полноты картины не хватает. На тебя люди внимание свое обращают. Наверное, чего-то не совсем приличное думают. Может, что не так? Спал хорошо? Не писался?

Это юмор у нас такой. Мало кто понимает, но ничего поделать с собой не можем. Подтрунивать друг над другом с постными физиономиями – за десятилетия дружбы стало попросту привычкой. Те, кто нас не знает, иногда проявляют искреннее беспокойство и заботу по поводу наших умственных способностей. Кое-кто, бывало, даже помощь предлагал посильную.

– Да нет, – говорю, – все нормально. Вот только как-то не по себе мне. Явственно чувствую, что эта поездка будет далеко не такой простой, как планируем. У тебя нет такого ощущения?

– А как же, – отвечает друг, – с самого вчерашнего утра не могу от него избавиться. Сижу вот, помалкиваю. Не хочу твою не устоявшуюся еще детскую психику расстраивать. Вдруг тебя по волнам твоей фантазии потащит. Кричать по ночам начнешь, руками махать, маму звать. Возись потом с тобой весь отпуск.

Тут надо сказать, что мы оба – довольно чувствительные в плане интуиции личности. Не было еще случая, чтобы она, интуиция эта – нас хоть раз подвела. Накрывает обоих в один момент, как панамка бабочку. Но иногда, даже довольно часто, распознать, что же готовит нам эта панамка, и о чем кричит внутренний голос так, что воображаемые перепонки ушные лопаются – не имеется никакой возможности. Вот и в этот раз, сам не понимаю почему, но вой сирены подсознания перекрывает любые эмоции. Хлопушки и мигалки неумоимо взрываются в мозгу и сигналият о чем-то настолько важном и волнительном, что заглушить их или не обращать внимания – нет никаких сил. Знали бы мы тогда, что за испытания нам уготованы – не полетели бы. Ну а пока... Нас ждет Стамбул, граница между Европой и Азией, хлипкая стена между цивилизованным западом и полным древнего очарования востоком.

Пересадка в Стамбуле. Не короткая, но и не долгая. На все про все – девять часов ожидания. В этом городе мы не первый раз, практически все знакомо и осмотрено. Единственное упущение с нашей стороны – цистерны Базилика, оставшийся со времен древнего Рима заброшенный константинопольский водопровод. Вот их и предстоит нам посетить.

Любовь к древностям у нас в крови. Уж и не знаю, как так получилось, но эту любовь лично я ощущал с самого начала осознания себя. С детства меня тянуло во всякие заброшенные катакомбы. Везде чудились запрятанные потайные комнаты, и непременно они должны были быть набиты ветхим древним хламом. Но чаще всего, набиты они оказывались разбитыми фуфырями, пьяными бомжами и их подружками.

История стала моим самым любим предметом в школе. Никто лучше меня в классе не мог рассказать о временах древнего Рима. А уж мифы древней Греции и их герои, воспринимались мной как вполне себе реальные. Не думаю, что это привилось ко мне с молоком матери. Мать моя – довольно обычная, милая и добрая женщина, никогда не интересовавшаяся этой ерундой. Потому я был в величайшем волнении от предстоящего посещения этих цистерн, о которых давно мечтал.

Примчавшись на такси и отстояв немалую очередь – мы туда, наконец, попали. Древность есть древность, и никакие туристы, новомодные подсветки или еще какие ухищрения, не изведут очарование далеких веков. Только начав спускаться в подземелье, мы ощутили рядом присутствие Времени. Оно было неподвижно. Оно как будто замерло на наших плечах, вдавливая в пространство, как какого-то самого мелкого и не имеющего никакой ценности во вселенной микроба. Словно вечность проникала внутрь тебя, наяву вовлекая в самые невероятные события прошлого.

Нас здесь ждали. Я это остро почувствовал, как только взглянул в глаза перевернутой вверх ногами Горгоне, изображенной на одной из колонн. Не знаю, кто и зачем, но это чувство преследовало меня до самого того момента, пока я впервые ни увидел его.

Сначала я заметил размытое, неясное пятно оранжевого цвета, промелькнувшее между колонн где-то вдалеке. Я не обратил внимания и даже успел забыть. Но оранжевая клякса стала попадаться мне на глаза все чаще. Потом я понял, что это не пятно, а человек, одетый в странную оранжевую одежду. И он, похоже, следит за нами, все время вертится поблизости. Вот снова мелькнул рядом и опять исчез за колонной.

– Ты это видишь? – спрашиваю я Костю.

– Отстань. Клоуна спугнешь. Бродит чучело в виде сумасшедшего туриста между колонн, и что? То, что он нарядился в оранжевое, говорит лишь о том, что это Стамбул. Здесь можно и не такое встретить. Свою буйную фантазию уйми и древностью наслаждайся.

Ну-у-у... ладно. Древностью так древностью. Вот только мне это пятно, в оранжевых обмотках, все-таки, не дает покоя. Видимо, сказались недавние переживания в аэропорту. И теперь самые что ни на есть обычности – вырисовывались вдруг в неожиданные картинки. Да еще эти цистерны загружали мой воспаленный мозг. Бесконечные ряды колонн давили на меня, холодный воздух подземелья подстегивал фантазию. Образы в мозгу теснились самые мрачные. Но это был не глюк, могу сказать уверенно. Костя его тоже видел, а групповые глюки хоть и случаются, но очень редко.

Налюбовавшись напоследок вечерним Стамбулом и основательно подкрепившись местным фаст-фудом, мы со скоростью метро умчались в аэропорт. Предстоял долгий семичасовой перелет в Мумбай. Или как местные до сих пор называют этот город – Бомбей! Мне старое название больше нравится. Есть в нем что-то такое сочное, звонкое, созвучное с местным колоритом. Не единожды уже останавливались мы в Бомбее. Определенно должен сказать, что мы в него по уши втрескались уже с первого раза. В этот город-монстр приезжать можно бесконечное количество раз, и снова он не перестает удивлять. Если сказать пошлость, что Бомбей, мол, это город контрастов – значит, ничего не сказать. Это, скорее, город крайностей. Фешенебельные небоскребы с шикарными, упакованными абсолютно всем нужным и ненужным апартаментами, у подножья которых, как клумбы, разбиты сламы-трусщобы. Ролсы с золотыми крылатыми феями на капоте, подпирающие на светофоре буйволиную повозку с нехитрым грузом бедняка. Католики, исполняющие незамысловатые ритуалы, отчего-то смахивающие на Вуду и к их вере, по идее, никаким боком не относящиеся. Абсолютно разные, не имеющие между собой ничего общего люди, в то же время живущие бок о бок без каких-либо разногласий. Каждый знает свое место и непременно это место уважает и чтит. За исключением, разве что, подрастающей молодежи, которая все же, не смотря на многовековые устои, пытается как-то изменить свое бытие. И кто знает... чего еще из этого может получиться.

Не изменив своей привычке, мы заселились в полюбившийся нам отель Марин Плаза. Нас давно подкупило, что расположен он в одном из красивейших мест Бомбея. На городской набережной, с шикарным видом на Бомбейскую бухту. В отеле даже Костька счел меня параноиком с навязчивой манией. Везде: в ресторане и за поворотом лестницы с позолоченными перилами, на полосатом диване в лобби, и даже в бассейне – мерещился мне ненавистный оранжевый глюк, как привязанный веревкой, следующий за нами шаг в шаг.

Остаться здесь надолго нет смысла. Город знаком. Потому, освежив за сутки воспоминания, побродив по любимым местам, посетив всемирно известный, благодаря Шантараму, «Леопольд», мы двинулись в Гоа, навстречу пляжу, морю и сказочным закатам.

Самолет в Даболим набит под завязку. Ни одного свободного места. Пассажиры все сплошь индийской наружности. Кроме нас, белых еще только четверо, компания молодежи из какой-то англоговорящей страны. Почти весь полет прошел нормально. Пару раз трянуло, кто-то слабо ойкнул, и на этом, казалось бы, все. Но не тут-то было, рано мы обрадовались. Когда наш железный птиц начал снижение и вошел в нижние слои облачности – ему будто кто-то зарядил хорошего пинка. Нашу маршрутку так нещадно стало колошматить, что багажные полки с грохотом начали открываться одна за другой, и все вместе разом. Пару раз взвизгнула какая-то тетка и сразу заткнулась. Наверное, ее все-таки заткнули. Каким способом – не важно. Важно, что весь самолет вдруг замолчал! В салоне установилась полная, даже, словно, дрожащая тишина, когда становится страшно – тут уже не до бесед.

А вот со мной случился припадок истерического веселья. Нет. Это не был нервный припадок в прямом смысле. Мне просто было весело от всего вокруг. Я так и не понял, что со мной тогда произошло. Со мной, человеком до жути боявшимся в свое время высоты и самолетных прогулок. Ни капли страха. Я смотрел на все это действие с веселым любопытством. Видя перепуганные, побелевшие от напряжения и страха лица, я вдруг представил себя эдаким монстром, которому предстояло принести в жертву целый самолет! Движки визжат, салон скрежещет и гроыхает, багаж валится на головы и... все, мертвая тишина, без людей! Мужественная, торжественная тишина.

Но, миг – и моя фантазия рисует совсем другую картинку. Наш самолет набит самыми, что ни на есть, безгрешными и крутыми праведниками, каких свет еще не видывал. Что призывать нас еще не за что, и мы, прям, настолько все уверены в своей святости, что по приземлению, нам всем обязательно выдадут по белому пальто. С крылышками.

После посадки мы сразу решили, что вот это происшествие и было тем, о чем нас предупредила наша, с позволения сказать, интуиция. На том и порешили. Да ненадолго. Уже сидя в такси, Костька вдруг толкает меня локтем под ребро и указывает пальцем куда-то через дорогу:

– Смотри! Вон, опять твое оранжевое чучело стоит. На нас без отрыва лупится. Как только из аэропорта вышли, так я его и приметил. Только теперь он еще и рукой машет. Знаки какие-то, невообразимой сложности, слать пытается. Начинай бояться. Он теперь весь твой. Куда ты – туда и он. Типа, твое личное, именное привидение.

Глянул я в ту сторону, и правда... Посередине дороги с бесконечно сумасшедшим трафиком – одинокий сломанный светофор. И вот к этому светофору прислонившись, с поднятой вверх рукой, стоит тибетский монах, очень похожий на того, что мы видели в стамбульских цистернах, а потом мерещился мне в Бомбее. Только на нем, кроме оранжевого, замотанного вокруг туловища тряпья, еще шапка. Ярко-желтая, похожая на петушинный гребень шапка. А кистью поднятой вверх руки он выделяет сложные загогульки и закорючки, что еще больше придает ему вид наглухо нездорового гражданина. Выглядит все жуть, как нелепо, потому что в Индии не часто встретишь служителя Будды в полном обмундировании. Да и шапки эти, насколько мне не изменяет память – обрядовые. Никогда монах не выйдет на променады в таком вот костюме!

– Чей-то, – отвечаю, – он мой? Мне таких волшебников ни за какие деньги не навяжешь. Да и ты его тоже прекрасно даже наблюдаешь вместе со мной. Так что это теперь и твое привидение. Теперь твоя очередь писаться и маму звать. А мне, чет, недосуг на него любоваться. Мне уже окунуться в волну охота, и захреначить горсть песка в твою довольную харю. Поехали!

Видимо, близость океана, и всего, что с ним связано, напрочь отшибли у нас возможность здраво рассуждать о чем-либо, кроме собственно этого океана и предстоящих развлечений. А ведь этот монах был ярким и недвусмысленным предупреждение того, что с нами что-то не так. И не только с нами...

Глава вторая

Мы уже в Гоа. Что-то здесь не так.

И про лотосы в вонючем пруду

Всё-всё потом. Все встречи и дела могут подождать. Сейчас единственное наше желание – по скорому делу заселиться в гестхаус, и как можно быстрее на пляж. Море. Это главное что волнует и притягивает нас в этот момент.

Вечерние сумерки застали нас именно на пляже. Это не случайно. Каждый день на берегу Арабского моря, омывающего Гоа, собирается много народу. Все приходят проводить Сурью, бога солнца, который заканчивает свой каждодневный труд и под конец дня дарит людям просто невозможной красоты закаты. Этими закатами можно любоваться вечно. Не знаю, возможно, где-то еще тоже есть красивые закаты, но в Гоа – они особенные. Под ритмичный бой барабанов, доносящийся от стоянки огнепоклонников и мерный шум волн – Сурья загоняет свою колесницу на покой, уступая землю звездам, тишине и покою. В такие минуты всегда хорошо думается. О жизни. О бытии. О том, что особенно волнует. Ну, а если мыслей нет, и такое бывает, то просто отдаешься безмерной красоте океана, окрашенному в причудливые оттенки заходящего солнца.

Погрезив наяву, мы отправились в наш любимый ресторан. Пришло время подкрепить свой уставший организм чем-нибудь острым. Местная кухня не всем подходит. Специи присутствуют просто в огромном количестве. На то есть причина. Жара. Продукты портятся просто с фантастической скоростью, а специи являются природным антибактериальным средством. Но дело не только в этом. Правильно подобранные специи в блюде, это очень вкусно. Потому мы никогда не просим официанта, чтобы нам готовили облегченный вариант. Только специи. И как можно больше. Как и положено здесь. Как для местных.

Кстати, Питер, официант, нас обслуживает уже семь лет. Небольшого роста, коренастый, с постоянной улыбкой. Завидев нас, кинулся здороваться, напрочь забыв о других клиентах и так и не успев принять у них заказ. Эмоции его переполняют. Как, впрочем, и всегда, когда он встречает своих постоянных клиентов. Но в дружбу наше с ним знакомство так и не переросло. Дистанция всегда соблюдалась с его стороны. Вот и на этот раз, всё, ритуал встречи закончен, быстро, уже взял себя в руки. Поклонился со сложенными у груди ладонями и поздоровался за руку с неизменным индийским приветствием – *намасте!*

– Ну, наконец-то вы приехали. Что-то поздно в этом году. Вы же обычно раньше приезжаете. Проблемы?

– Нет, Питер, – отвечает Коська, – никаких проблем, кроме того, что мы очень голодны. И если ты сейчас чего-нибудь очень вкусного не принесешь, то мы прямо у тебя под столом окачуримся. А потом всем, что ты своих лучших клиентов голодом пытаешь растрепаем, для неизвестно каких целей. Давай нам меню и заодно рассказывай, чего нового в твоей трудовой и личной жизни за этот год случилось. Все живы и здоровы? Сам ничем не хворал? Коклюшем, к примеру. Нет?

Питер сделал серьезное лицо, напрягся и выдал:

– Как же вы всем растрепите, если окачуриться собрались в скором времени на моем рабочем месте? Мертвые молчат!

– Ты в этом уверен, Питер? – непонятно самому почему, вдруг влез и я.

Он опять напрягся, да так, что его левый глаз укатился к переносице, и в один миг он стал похож на черномазого пупса со сломанным лицом.

– Эээ... С тобой все хорошо? – спрашиваю. – Может, водички?

В общем, когда глаз его вернулся в прежнюю орбиту на лице, он рассказал нам, как на духу, все свои семейные тайны. Что брат его, сволочь недорезанная, спер из дома какие-то родовые ценности на большую прожиточную сумму, и свалил неведомо куда и зачем. Никто теперь не знает, где этот выродок семейный шкерится, и найти его, похоже, никакой возможности не предвидится. В полицию не обращались, дабы избежать позору на поседевшие родительские головы. Что сестру кое-как выдали замуж, наконец, и вздохнули все с огромным облегчением. Потому как уже и не надеялись, что это когда-нибудь произойдет, по причине просроченного возраста и отсутствия необходимого количества приданного, спертого как я понял, ее ненаглядным козлиной-родственником.

Нашелся на сестру какой-то доктор из Кералы, по объявлению в газете. Хороший товарищ. Лашка ему, типа, внешне приглянулась. Вот он и втрескался по самую чалму, да наперекор всей своей собственной родне. В общем – увез. И у них теперь родилась двойня. Девочки. По этому поводу его родителей вообще... преждевременный апокалипсис семейного масштаба накрыл. Даже проклясть хотели. Рождение девочек в Индии – трагедия. А тут сразу две. Это откуда же столько приданого взять? Работать на них – не переработать. Но потом бабка с дедом передумали, уж больно им внучки понравились.

– Сэр... а что такое коклюш?

– Эээ... – промычал Коська, – это ты у своего зятя поспрашивай. Он тебе лучше объяснит. Неси нам лучше брияни с морскими гадами, лепешки с сыром и чесноком, райту с овощами и рыбу. И чтобы рыба непременно была жареная. С корочкой. А не вареная, как в прошлый раз. И еще два пива и ром. Рома бутылку сразу волоки, а не по 100 грамм таскай. Ищи потом тебя, свищи за каждой рюмкой. И вот еще, – Коська полез в сумку, и достал из нее сверток. – На вот, держи. Подарок тебе от нас.

Сверток этот я первый раз в жизни увидел, не знал, что Коська с собой пер. Питер развернул его, и как мне показалось, даже хрюкнул от радости. В нем оказались две пачки семечек и непромокаемый плащ, что мы из Гонконга весной привезли. Вытаращил я на все это дело свои лупетки, и когда Питер со счастливым лицом ушел, спросил Коську:

– Ты, – грю, – чего... в своем уме-то? Ну, ладно семечки. Они по ним страдают постоянно. Любовь у них к нашим семкам невероятная. Но плащ-то дорогуший на хрена отдал? Где ты теперь такой возьмешь еще себе? В Гонконг на обратном пути рванешь? За палаткой?

– А это и не мой плащ вовсе, – отвечает Коська, – это твой! Мой дома остался. А свой ты все равно хотел кому-нибудь подарить. Ты ж постоянно, что тебе цвет не подходит, орал. Что ты, типа, в нем на нервного гномика, страдающего желтухой похож. Забыл, что ли?

– Да ничего я не забыл. Но это не значит, что нужно было втихаря его у меня спереть, чтобы потом Питеру в презент отдать. Мог бы хоть спросить.

– Да ты бы все равно не отдал, если бы я спросил. И у тебя дома еще одна лишняя и ненужная вещь валялась бы, в виде ярко желтого плаща с безумным драконом на груди. А так Питеру приятно. Будет в чем в мунсун девок клеить. Они ж такой штуки тут, отродясь, не видали.

Логика у моего друга, надо сказать – железная. Дело в том, что такие плащи – редко где встретишь. Можно сказать, что и нигде даже. Когда мы летали в Гонконг, попали в сезон дождей. Дождик был, правда, теплый, но все равно мокрый. И такие накидки там жизненно необходимы. Но вот еще, какая напасть. В Гонконге практически в любом магазине продают за копейки самые обычные полиэтиленовые накидки белого цвета, или вообще прозрачные. С непременным логотипом того заведения, где их и продают. Когда я напялил такой костюм и посмотрел на себя в зеркало, то со мной приключилась нешуточная истерика. Из зеркала на меня лупился, вполне себе такой огромный, человеческого роста... презерватив! Увидав все это дело, я судорожно сорвал с себя одеяние и на весь магазин громким голосом заявил, что наряд такой пусть носит директор того заведения. А я его в жизни не напялю, и с тобой, Коська, если ты его примеришь на улицу, рядом даже не встану, с таким невообразимым позорищем.

В итоге нам пришлось мокнуть под дождем до тех пор, пока не набрали случайно на лавку, торговавшую китайскими сувенирами и поделками. Вот там-то и висели два ярко-желтых, разрисованными огненными драконами плаща. Как будто нас ждали. И ткань у них была настоящая, не пакетная. Тонкая, пропитанная латексом. В общем, красота. Правда, цвет мне действительно не очень нравился, но это было много лучше тех полиэтиленовых изделий. Вот как раз тот мой плащ Коська и принес в жертву. Говорит, очень долго голову ломал над подарком, а потом, типа, осенило.

Наконец Питер принес наш заказ. Расставил на столе, как всегда перепутав, что перед кем поставить, и с хитрой мордой сообщил, что брияни сегодня у шефа получился просто отменный. И мы останемся очень довольны. Снял крышки с кастрюлек и удалился, еле сдерживая смех.

– Чей-то с ним? – спрашиваю.

– Не знаю. Мож, в кастрюльку плюнул, или еще какую гадость умудрил. Хоть на него это и не похоже, но у официантов – это в крови. За все их лишения, мучения и унижения от клиентов, они всем и каждому без разбору мстят. Самое распространенное – это плевок в кофе. А кофе у нас нет. А в закрытую бутылку не плюнешь. Нет, все ж думается мне, здесь что-то другое... – задумчиво протянул Коська.

Вгляделись мы в свои миски внимательно, и теперь настала наша очередь усмехаться. Коварный план мы раскусили на раз. Брияни был буквально усыпан мелкими стручками красного жгучего перца. А в стороне от нашего стола собрался практически весь персонал ресторана, для того, чтобы лично убедиться, как мы сейчас начнем корчить морды и хватать ртом воздух, одновременно судорожно осушая бутылки с пивом. Шутники были вооружены полотенцами, запотевшими холодными бутылками с водой, пачками салфеток. На их лицах откровенно читалось предвкушение веселья. Но не тут-то и было. Люди мы опытные, знающие. И не такое едали. Да и специи для нас, как алкашу стакан. На радость только.

С невозмутимым видом мы начинаем все это острое дело поглощать. Мало того, что ни о каких корчах и речи быть не может, таки мы еще и к пиву не притронулись. Потому как, есть одно золотое правило для специй. Чтобы унять огонь внутри, специи ни в коем случае нельзя ничем запивать. Ни водой, ни пивом, ни чаем, от этого, становится только хуже. Специи нужно заедать. И лучше всего, каким-нибудь кисломолочным продуктом. Вот, например, той же овощной райтой. Это местный вид простокваши из буйволиного молока с крошеными свежими овощами. Чудо – что за вещь. В жару освежает и замечательным образом снижает огонь специй, оставляя во рту приятное жгучее послевкусие.

В общем, никакого повода для глумления над нами мы не предоставили. В конце трапезы я достал самый большой перчик из миски и демонстративно, глядя прямо в глаза Питеру, стоявшему чуть поодаль вместе с остальным контингентом, смачно этот перчик разжевал. А потом еще и пальцы облизал. Надо сказать, что удивлению с их стороны не было предела. Не часто встретишь белых, которые не восприимчивы к таким шуткам. А то, что это была шутка, не было и сомнений. Не такой это народ, чтобы гадости мудрить. В итоге нам объявили, что обед, как постоянным и преданным клиентам – за счет заведения. А от шефа еще полагается по майке с эмблемой ресторана. Черт, мелочь, а жуть как приятно.

– Ну что? Поели, попили, теперь пойдем променад устроим по главной улице. Надо же со всеми торгашами да таксистами поздороваться. А потом к Ренни.

– А к Ренни обязательно сегодня нужно? Чет мне отдохнуть хочется. Находился я сегодня.

– Обязательно, – подтвердил Коська, – друзей, а тем более хороших друзей, нужно ценить и уважать. Вот представь, как он обрадуется, узнав, что мы к нему первому в гости пришли. У него же самооценка до небес шкалить начнет. Спутники космические об корону напрочь

порасшибаются. У индусов же повышенная чувствительность в отношении друзей. Их нельзя надолго оставлять без внимания. Обидятся.

И это была суцая правда. Индусы – очень открытый и душевный народ. Они настолько непосредственны и простодушны в общении, порой не веришь, что такое вообще может быть. Даже торговцы, которые постоянно пытаются тебя кинуть хоть на пару рупий, улыбаются с такой искренностью и застенчивостью, когда их на этом обмане ловишь, что иногда кажется – пред тобой не матерая торгашка пятидесяти лет, а пятилетняя девочка, что спёрла ягодку из чужого сада.

– Ради твоего спокойствия, – продолжил Коська, – мы к Ренни коротким путем пойдём. Я в прошлом году, когда к нему шел, решил срезать путь немного. Оказалось, что задворками много быстрее до его магазина дойти.

– Да ну! Как это ты вообще добрался срезанным путем? Ты же постоянно теряешься. Твой топографический кретинизм – тебе брат родной. И он постоянно ведет тебя в другую сторону. Мне вот в первый же день потеряться никак не хочется. По причине того, что как бы стемнело уже. Может, все-таки, как обычно? По центральной улице дотащимся?

– Нет уж. Пойдем задворками. Я тот путь хорошо запомнил. Там еще озерцо по дороге небольшое есть. Так в нем как раз в это время лотосы цвели. Полюбуюсь.

Ну и пошли. Тревожное чувство прочно поселилось во мне на тот момент. Действительно, не хотелось блудить по местам дислокации локал населения. Как-то ссыкотно, что ли, было. Хоть и относительно безопасно в Гоа, но все же, иногда случаются непредвиденности. В виде грабежей и воровства. Иногда и со смертельным исходом. По большому счету, в этом виновны приезжие из других штатов гастролеры. В туристический сезон наблюдается их повышенная активность. Стараются пожить хоть чем. В том числе и туристами.

– Озерцо говоришь, да? Вот это? Ну и где твои ахренительные по красоте лотосы?

– Димка... чесслово, в прошлом году оно все цвело. Воды практически не видно было. Все сплошь белыми лотосами забито. У меня даже фотка есть в телефоне. Сейчас...

Коська долго рылся в своем смарте, временами блякая и морща лобешник от усердия. Наконец, он представил мне наглядное доказательство того, что в прошлом году это озерцо действительно было сплошь белого цвета. Глядел я на это фото и не верил своим глазам. Как же так получилось, что сейчас мы стояли у вонючего пруда, идеально круглой формы, с черной водой, и без намека на когда-то цветущие в нем лотосы? Неужели всего за год произошли такие разительные и невероятные изменения? Картина представляла собой жуткое зрелище. По краям этого небольшого озерца пучками торчала жухлая, плесневелого цвета трава. А из черной, как смоль воды, высывались сухие бобыли и бывшие, по всей видимости, когда-то лотосами. Мало того, в воздухе стояла такая невозможная вонь, будто в озеро оправилось не одно стадо слонов, причем одновременно. И тишина, мертвая зловещая тишина, как тогда в самолете. Ни одна птица, ни одна цикада не нарушали этого черного безмолвия. Сами собой, по телу поползли воображаемые насекомые, а про волосы я вообще умолчу.

– Костечка, пойдём-ка отседова, по здорову, да по добру. Пока из этого болота, не повила какая хрень, и не похерила, пусть и не молодые, но все же еще ценные, наши с тобой жизни.

Шли мы до магазина нашего ювелира в полном молчании. У Коськи на лице читалось явное недоумение происходящим. Да и я, привыкший полностью доверять своему другу, нисколько не сомневался в том, что это не воспаленная его фантазия, а реальность. Но вот почему, с какой такой невероятной радости, все так сильно изменилось? Мозг начал усиленно работать, по поводу анализа сложившейся ситуации. Начали всплывать некие мелкие моменты, которые на первый взгляд, казались совсем незначительными.

К примеру, почему нам подсунули этот супер-острый брияни? Понятно, что шутка, но ведь мы сюда приезжаем уже не первый год, и персонал ресторана, вместе с Питером, пре-

красно знает, что мы практически не восприимчивы к специям. Забыли, что ли? Да ну. И еще. Мы хоть и не прошли по центральной улице, но в знакомых местах все же побывать успели. На той улице, где мы живем – много знакомых продавцов торгуют своей нехитрой продукцией. И мы частенько покупаем у них и фрукты, и сигареты, и палочки-вонючки для облагораживания воздуха в своем жилище, и много чего еще. И вот они ни разу с нами в этот приезд даже не поздоровались. Даже никто не улыбнулся, не помахал нам рукой. Не узнали? Никто? Но этого просто не может быть. Они не изменились, мы тоже, вроде, не сильно состарились. Во всяком случае, не настолько, чтобы, не распознать наши морды.

Все это промелькнуло в моей голове очень быстро. Мысль потянулась дальше, но в этот момент мы уже пришли в магазин Ренни, и додумать эту мысль я просто не успел. А впоследствии счастливо про нее забыл вообще.

– Че, не ждали нас так рано? – орет Коська, буквально врываясь в магазин. И тут же в порыве радостном и неожиданным, грохается на кафельный пол и юзом проезжает несколько метров, раскинув руки и ноги как морская звезда. Надо было видеть лица продавцов, да и самого Ренни. Сначала дико испуганные, а всего через момент уже жутко веселые.

А еще через секунду магазин уже сотрясался от дружественного ржача. Ренни мигом выскочил из-за прилавка, откуда только столько прыти, и хватая Коську за руки, попытался поднять. Но не тут-то было. Коська тяжелый, а пол скользкий. Да и Ренни ни фи́га не богатырь. Наш друг невысокий, наголо бритый, как все брамины. Из-за стекол модных очков спокойно смотрят умные глаза, часто прищуриваясь с чуть заметной усмешкой. Одет он практически всегда в обычную европейскую одежду.

В общем, к Коськиному распростертому телу тут же добавилось еще одно. Ренни благополучно растянулся рядом, раскорячившись в неблагоприятной позе, то есть раком. Ржач усилился до непотребного предела. На этот гомон тут же слетелись непонятно откуда взявшиеся любопытные индийские граждане. Интересно же, чего здесь такого случилось. Надо сказать, что где бы что ни произошло, пусть даже очень мало примечательное, всегда собирается кучка из местного населения. По такой кучке можно запросто определить степень интересности происшествия. Чем больше кучка, тем, значит, интересней. Такая вот местная особенность – непосредственность с бесцеремонностью вперемешку.

Уливаясь слезами и не прекращая ржать, сотрудники магазина помогли-таки подняться с полу Коське и своему боссу.

– Ну чего, – спрашиваю я, плача, – поздоровались? Пообнимались на полу при радостной встрече? Там на стекле, наверное, для слабо грамотных накорябано и по-русски, и по-английски: «Осторожно, ступенька!»

– Я чего, читать объявления сюда, что ли, приперся? В душевном порыве ни бумажку с текстом, ни ступеньку не заметил. Ренни, откуда ступенька взялась?

– Эээ... всегда была, – ответил Ренни на Коськин закономерный вопрос.

– Не может быть. Как я раньше-то ее не замечал. И ведь же никогда не падал.

На этом время вопросов про ступеньку закончилось, и пришла пора для приветственных объятий, расспросов про житье-бытье, поздравлений с приездом и всего такого прочего, что принято соблюдать при встрече после долгого расставания. У Ренни все оказалось просто замечательно. Бизнес процветал, дочка выросла, жена запланировано забеременела, и в скором времени они ждали прибавления в семействе. В самом магазине ничего не изменилось, кроме продавцов и вот той ступеньки. Из-за прилавка, на нас щерились в дружелюбном оскале вовсе незнакомые лица.

– Ренни, ты когда успел контингент сменить? Как-то непривычно на новый персонал смотреть. Мы к тем рожам уже привыкли. Зачем сменил? Не оправдали доверия, или чего... Проворовались?

– Да нет, – удивленно отвечает наш друг. – Вы их, наверное, просто не узнали, потому как вас долго не было. Все те же самые лица, что и в прошлые года. Персонал проверенный, и в неприятностях незамеченный

Теперь пришла Коськина очередь делать удивленное лицо. Чего, все года узнавали, а сейчас затмение нашло? У обоих сразу, что ли? Но так не бывает. Невозможно не узнать лица, которые знаешь уже не первый год.

– Ну да ладно, хрен с ними, с лицами. Я гляжу, – отвлекся Коська, – у тебя в магазине все так же уютно и красиво. Украшений за сезон дождей много новых наделал?

– Есть немного. Все перед тобой. Любуйся.

А я в это время, уже и не слушал их беседу. Я как всегда, не мог оторвать свое внимание от витрин и стеллажей, где были выставлены разнообразные украшения. Как уже говорил, у меня имеется великая слабость по поводу драгоценных камней. И каждый раз, когда я прихожу в магазин Ренни, мне кажется, что я очутился в индийской сказке. Изумруды, рубины, бриллианты, мои любимые сапфиры, – все это настолько завораживает своим искрящимся переливанием, что я в буквальном смысле, впадаю в кому. Ничего не вижу и не слышу, что творится вокруг меня. Я весь и полностью растворяюсь в этом сверкающем великолепии. И не только сами камни завораживают меня сейчас, так и еще то, как сделаны эти украшения просто приводит в восторг. Здесь собраны изделия в абсолютно разных стилях: индийские национальные, европейский стиль, викторианский, винтаж, антик, свадебные и похоронные, да и просто не пойми чего, но очень все красивое и дорогое. Хочется все это волшебство собрать в один огромный сундук и чахнуть над ним в кошечьем безумии.

В сознание меня привел хлопок над ухом.

– Димка! Очнись! Хватит уже представлять себя увешанным этими цацками махараджей. Того и гляди, в вечном помрачении разума останешься. Как тебя потом домой тащить?

– Брось меня здесь, Коська. Не тащи. Че надрываться-то? Может, я здесь счастье наконец обрету и покой.

– Покой ты, Димка, и в следующей жизни не обретешь, если вот так по камням будешь страдать.

– Ренни, можно я у тебя в магазине поживу, а? – сложив ладошки у груди и сделав сопливое лицо, писклявым противным голоском взмолился я. – Чесслово, я только на месяцок. Заодно поохраю. И платить мне не нужно. Корми только изредка, ну хоть лепешками одними.

И тут, мой взгляд упал на здоровенную напольную вазу. Естественно, в индийском стиле. Она стояла в самом углу. Не знаю, из какого материала она была сваяна, но роспись на ней заставила смутиться даже меня, здорового, много повидавшего мужика. Ваза эта была круглая, широкая и сплюснутая, напоминавшая здоровенный чугунок. По боками она имела роспись в виде наглухо обнаженных индийских танцовщиц в разных откровенных позах, времен очень древних их же царей. Танцовщицы кружились и извивались в только им известном причудливом танце, и кроме лотосов в руках и драгоценностей в головах и на руках, их больше ничего не украшало. Это завораживало. Притягивало взгляд сильнее, чем крутящийся волчок. Ощущение, что танцовщицы живые, сейчас сделают еще шаг и закружатся передо мной на полу – было практически реальным.

Второй хлопок. Я чуть не взвыл от неожиданности. Коська, гаденыш...

– Ренни, – обрел я дар речи, – откуда такая красота? Она настоящая? В смысле, я имею в виду, она не новодел?

– Конечно, нет. Разве я похож на человека, который станет держать у себя какую-то дешманскую хрень? Этой вазе несколько тысяч лет. Мне ее отец привез из Дели, месяц назад. Не знаю, зачем и не знаю, где он ее взял, но сказал, что это подарок. Вот теперь стоит. Под лотосы хорошо подошла.

– О! – встрял и Коська, – я только сейчас внимание обратил, что в ней лотосы плавают. Димка глянь, вот такие цвели на том озере. Такие же идеально белые, с желтой чашечкой в серединке. Ренни, где лотосов таких набрал?

– Так мне их служанка каждое утро таскает с озерца. Вот и сегодня приволокла, лошадь толстозадая. Притащилась вся мокрая и в тине, как кикимора перекормленная. Перепугала меня своим непотребным видом чуть не до смерти. Говорит, пока лотосы срезала, умудрилась свалиться в этот лягушатник. С перепугу орала, как оглашенная. Дура. Плавать совсем не умеет. Видать, жопа и перевесила. Жрет без меры. На ее вопли сбежалось, наверное, половина Кандолима, а потом полчаса пытались поймать и вытащить, чтобы не утопла. Таки оно и понятно, весит как беременная слониха.

– Чей-то ты на нее так? Она у тебя хорошая. Добрая. Исполнительная. В прошлом году вон как швытко нашу комнату в порядок привела. Пойди, еще такую найди.

– Костя, да я же ее люблю. Положено мне ее ругать. Статус.

– Гляньте-ка на него. Статус у него. Ходить не мешает, нет, статус твой? А с какого озерца она тебе лотосы приперла?

– Так вот которое рядом. Маленькое. Круглое. Ты еще в прошлом году через него ко мне шел.

– Серьезно? – тянет Коська, поднимая в удивлении обе брови. – Вот прям сегодня утром, она тебе на этом озере лотосы срезала, пока купалась?

– Ну да. А что не так?

– Да дело в том, что мы сегодня мимо него проходили. Когда к тебе шли. Таки там никаких лотосов нет. Ни одного. Оно черное, вонючее, и все в сухих былинках. Уверен, что твоя служанка в том озере купалась?

– Другого здесь нет, – ответил Ренни.

А у самого глазенки начали расширяться, как будто он не нас, а богиню Кали с занесенной над его головкой саблей узрел. Губы задрожали. Лоб покрылся мокрой испариной.

– Не может быть, – еле слышно прошептал он. – Она сегодня мне эти лотосы принесла. Я сам с нее тину отковыривал и домой мокрую вез.

Тут он сразу потерял к нам всякий интерес. Засуетился, домой засобирился. Типа, дело срочное у него, про которое забыл. Потом на секунду остановился, вперил свои лупетки в потолок, через пару секунд очнулся и говорит:

– Дима! У меня же для тебя кольцо есть. Как раз, как ты хотел. С тремя сапфирами. Как же я забыл про него, а? Счас принесу.

И удалился. А я вот задумался. Ну не помню, чтобы я, как раз, хотел кольцо с сапфирами. Да еще и с тремя.

Через несколько долгих минут, которые мы с Коськой провели в великом недоумении, он появился из подсобки, держа в руках деревянную шкатулку. Интересную. Всю изрезанную витиеватой резьбой.

– Вот, – говорит, – открой сам. И всучил мне.

Коробочка оказалась маленькой, вполне себе вмещалась в ладонь, но такой тяжелой, что мне показалось, будто целый килограмм очутился в моей руке. Открыл. На черном бархате лежало кольцо.

Третий хлопок. Уже в ухо. Да что б тебя, зараза...

– Больно же, полудурошный, – завопил я.

– Ты чего орешь-то? И кому? – опасливо так, как на безумного, на меня обернувшись, спрашивает Коська.

– Кому-кому. Тебе, дебилу. Хватит уже мои уши насиловать. Я так с испугу не только пысаться по углам пойду, каким попало, а еще и оглохнуть насовсем могу.

– Я тебя никак сейчас не трогал. Смотрю, стою, на твое новое приобретение. Блин... не могу оторваться. Если бы ты не заорал, и дальше смотрел бы.

Теперь пришло время делать удивленные лица нам обоим. Я от того, что что-то непонятное и странное вывело меня из оцепенения, а Коське потому, что впал в это самое оцепенение. Не его это все, не тянет, все эти бирюльки ценные всегда по фигу были. Ну не находит он в них никакого такого волшебного очарования. А тут...

– Ренни. Реннии... Сколько я тебе за это должен?

– Чего? Ааа... деньги. Не знаю пока. Завтра придете, скажу цену, но думаю не дороже 400 долларов. Ну, может 450. Да это неважно. Ты камни оцени для начала. Нравятся?

Ха. Еще бы мне они не нравились. В принципе, в самом кольце ничего особенного не было. Три сапфира, расположенные в ряд, один за другим, в желтом золоте. А по бокам пристроены были по два тютешных брюля. Вот, собственно, и все кольцо. Но сами камни втягивали, ворожили. Они были полупрозрачные, насыщенного синего цвета. Вообще сапфиры ценятся именно своей прозрачностью. Чем прозрачней, тем дороже. Здесь же, ситуация была другого рода. Они не были настолько прозрачны, чтобы их можно было отнести к дорогим камням. Но цвет... Такой цвет редко встретишь. Идеально синий. Не бледный, и не темный. Без каких либо фиолетовых, или еще каких, оттенков. Каждый камень – как близнец, и по размеру, примерно с горошину, и по цвету. Вот и все кольцо. Говорю же, ничего необычного. Но что-то в нем было. Что-то такое, отчего все внимание приковывалось именно к кольцу, у всех. Когда на него смотришь, все остальное становится неважным.

– Конечно, нравятся, – выпалил я, на секунду отвлекаясь от кольца.

– Ну, вот и хорошо. А теперь простите, но мне срочно нужно домой. Встретимся завтра утром, – быстро пробормотал Ренни, и его словно сдуло попутным ураганом.

– Ну чего, пошли до дому и мы? Что-то уж слишком много на сегодня переживаний. Особенно с этим болотцем, вообще все как-то на раскоряку.

– Пошли, – согласился Коська, и мы вышли из магазина в душный, пахнущий специями и чем-то сладковатым гоанский вечер.

– Слушай, Кость, чего-то у меня в голове никак не укладывается эта история с прудом и лотосами. Как так? Утром он, значит, был весь цветущий и благоухающий, а к вечеру, ни с того ни с сего взял, да весь разом завял и воняет. По-любому, этого не может быть. Ну не служанка же Ренневская в этом виновата. Свалилась туда и отравила пруд своим неожиданным присутствием? Или пруд этот священный какой, а она его своими килограммами взяла и осквернила. Ну а тот обиделся и давай вонять на всю округу. Господи! Чего за бред я несу.

– Ну почему бред сразу? – не согласился Коська. – Это же Индия. Здесь возможно все. Тут чуть ли не каждое дерево священо. Индуизм на богов богат. Кто знает, возможно, этот пруд – любимое место, например, Лакшми, богини процветания и счастья. Она как раз-таки в руках лотосы держит. Может та баба омовение поутру как-то не так оформила и нечистая в пруд свалилась. Да еще и давай орать. Может, даже и материться непотребно в беспамятстве начала. Вот тебе и осквернение.

– Ага, и прям сразу все засохло. На это все равно время нужно. Ну да ладно, хрен с ним, с этим прудом. Нам все равно не понять, как мозги не ломай. Ты вот скажи... Ты заметил, что с нами никто практически не поздоровался из местных? Даже те, с кем раньше чуть ли не обнимались и целовались в приветствии. Они как будто нас в первый раз за всю свою жизнь увидели. Вообще никакой реакции.

– Нет. Не заметил. Как-то не придал значения. Наверное, это все от переживаний, что в Гоа вернулись. Ну, таки это же можно легко проверить. Мимо киоска с пирожными проходить будем. Не думаю, что Юльке нас запомнотвала.

В переулке, что сворачивает с главной дороги к нашему дому стоит небольшой павильон, в нем продают отличные пирожные. В прошлом году мы редко мимо проходили, чтобы

не купить сладостей. Вот и в этот раз решили в него заглянуть, ну заодно и посмотреть, забыли нас все-таки здесь, или нет.

– Привет, Юльке, – как всегда с улыбкой до ушей, поздоровался Костя. – Пирожные еще не все сожрали? Нам хоть по одному осталось?

За прилавком стояла неизменная продавщица сладостей Юльке. Молоденькая девушка, до жути жизнерадостная и симпатичная. В прошлом году мы частенько с ней беседовали на всякие жизненные темы, и уж она нас забыть вот никак не могла.

– Здравствуйте, – улыбнулась Юльке, – а откуда вы знаете, как меня зовут?

От это да. От это неожиданность. Остолбенели мы в раз оба. Видимо, все наше недоумение, а может даже некая доля испуга, отразились на наших с Коськой мордах, потому как лицо Юльке начало приобретать оттенок искренней озабоченности.

– Да нам наша хозяйка квартиры посоветовала к тебе за пирожными заглянуть. Ну и заодно, как тебя зовут сказала, – соврал Коська.

Я, в отличие от Коськи, не то, что слово вымолвить не смог, мне даже пошевелить чем-нибудь не удалось. Столбняк от всего происходящего прочно сковал мое тело и разум.

– Юльке, дай нам пожалуйста вон те два белых пирожных и два шоколадных. И еще колу двухлитровую.

– Да, сэр, сейчас, – ответила Юльке и помчалась шуршать коробочками, в которые нам эти пирожные, собственно, и напихала.

Расплатившись, мы поблагодарили Юльке, и направились в свое жилище. Вдруг какая-то неведомая сила заставила меня оглянуться. Вот бывает такое, когда чувство недосказанности, или недосмотренности заставляет человека обернуться. Взгляд мой уперся точно в Юльке. Девушка смотрела нам вслед с таким видом, как будто пыталась что-то мучительно вспомнить, но ей это ни хрена не удавалось. Поймав мой взгляд, она застенчиво улыбнулась и скрылась в дебрях своего павильона.

– Блин! Блин, ну вот как так, а? Как это? Не могла она меня забыть. Да и тебя тоже, – сорвался я. – Сколько килограмм было сожрано пирожных и выпито колы из ее киоска, а? Тьма. Я вообще не знаю, как я еще от холестерина лихорадки не помер и от сахарного передоза не окачурился. Тут все не так. Посмотри, нас узнают только собаки и отдельные личности. Здесь помню, здесь не помню? Питер нас узнал, а остальные официанты, мы их тоже давно знаем – нет. Ренни, слава богу, память не отшибло, зато мы его оглоедов не помним. Вся улица с торгашами, как по приказу, срочно нас забыла. Даже Юльке, и то в беспамятстве. Но она хоть что-то пыталась вспомнить, судя по выражению на лице.

– Откуда знаешь? Я ничего не заметил.

– Видел. Я когда обернулся, она нам вслед смотрела. Тужилась, бедная, невообразимо. Видимо что-то осталось в ее башке, а что она и сама не знает. Блин, мы ром забыли купить. А мне выпить срочно нужно. Иначе у меня мозг взорвется.

– Не переживай, Димка. Надеюсь, хозяйка, как всегда, не забыла в холодильнике фуфурь в презент отставить.

Вот тут надо сказать про алкоголь немного. Вообще-то, мы не пьющие. Верней пьющие, но только в Гоа. В остальную часть года, ни-ни, никогда! И здесь только в очень ограниченных количествах. И строго ром местного производства. Ну, я еще тутошний пивас уважаю. Потому – от него не отказываюсь. Сегодняшний сумасшедший день не оставил нам выбора.

Глава третья

Про страшный сон, который все еще больше запутал

Хозяйка Мери, как всегда, порадовала нас своей предусмотрительностью. В холодильнике таки стояла бутылка рома. Налив сразу по пол стакана и разбавив водой, мы с Коськой уселись на чилауте обсудить, как прошел первый день нашего пребывания в Гоа. Оказалось, прошел он довольно необычно и чрезмерно насыщено. Так мы еще не приезжали на благословенную землю ни разу. Рядом творилась чертовщина, непривычная и непонятная. Но томный гоанский воздух вокруг нежил, кружил голову, вовсе не сочетаясь со всеми нашими проблемами. Развалившись на цветных подушках, раскиданных по накрытому плетеными ковриками полу, со стаканами в руках и биди, маленькими сигарками, скрученными из листьев дерева тенду и табака, в зубах, мы на какое-то время забыли о том, что хотели обсудить.

Дело в том, что было почти полнолуние. Прямо над нашими головами в ночном, еще не остывшем толком от дневной жары небе, мелким бисером рассыпались звезды. Словно какой-то сумасшедший художник мазнул по небу искрящейся черной краской. Искры эти были настолько мелкие, и настолько тесно усеяли черное небо над нами, что оно в буквальном смысле блестело, сияло, переливаясь голубоватым перламутром. И вот посреди этого ночного торжества, практически идеально круглая, словно срезанный с боку бильярдный шар гигантского размера – светила луна. Свет был настолько ярким, что свечи, которые мы обычно зажигаем в это время суток, стали попросту не нужны.

– Димка! А ты чего, про кольцо-то забыл, что ли?

– Ага. Точно. Пока выясняли про Юльке и ее беспамятство, я совсем забыл про кольцо. А оно как раз у меня в шортах, в этой тяжелой коробочке. А я все думаю, что мне все время мешает, как-то непривычно от такой тяжести.

Достал я из кармана шкатулку, открыл. Кольцо покоилось на черной подушечке.

– Смотри, – говорю Коське, – оно светится, как днем. Камни играют синим цветом так же, как и в магазине у Ренни.

Кольцо, действительно, и сейчас источало синий, завораживающий свет. Как будто была не ночь совсем, а день, и камни переливались не под лунным светом, а под солнечным.

– И правда. Какие-то это необычные камни. Чистый синий цвет... – задумчиво откликнулся Коська, – нет, за такие камушки и пятьсот баксов не жалко. Хотя о чем я говорю, пятьсот баксов – это просто копейки за них. Интересно, почему Ренни так дешево тебе это кольцо продал? Слушай, сегодня не день, а одна большая загадка. У меня чутье сигналист, мы совсем не там, где должны быть. Или, может, мы уже не те? И почему, интересно знать, Ренни так по-скорому до дому шуганулся, как узнал, что озерцо то стухло? Надо будет завтра его на эту тему попытать. В любом случае, нам больше никто ситуацию не поможет прояснить. Не может он ничего не знать о том, что вокруг творится. Брамин, все-таки. Кто его знает, чем его боги не шутят.

Так ты его на палец-то надень. Вдруг оно тебе не по размеру? – резко сменил тему Коська.

Вытащил я кольцо из шкатулки, с намерением напялить его на безымянный палец. Но вдруг что-то остановило меня. Верней не что-то вовсе, а простое любопытство. Мне вдруг захотелось его внимательно рассмотреть.

– Надо свет включить. А то мне ничего не видно.

После нескольких минут пристального рассматривания я протянул кольцо Коське.

– Посмотри на него внимательно. Тебе ничего странным не кажется в этом кольце?

Коська смотрел на него еще дольше, чем я. И от его цепкого взгляда, не ускользнуло:

– Оно не новое. Димка, это кольцо, по ходу, кто только не таскал. Я бы даже сказал, что оно не только не новое, а оно очень старое. Я не эксперт, но и дураку ясно, что ты далеко не первый хозяин этого кольца будешь. Может, конечно, если посмотреть в свете безумных последних событий, его кто-то и один носил. Но тогда – не одну сотню лет. Посмотри сюда. Золото в том месте, где крепятся камни, сильно сбито и поцарапано. Как будто, его кто напильником строгал. Но никто этого делать, естественно, не станет. Потому следует вывод, что это не специальные повреждения. А для того, чтобы вот так, не специально повредить золото в таком месте, нужно очень много времени. И еще... На внешнем ободе кольца, со стороны ладони, видишь? Оно стерто. Как будто этот кто-то что-то постоянно таскал в руке, и кольцо об это что-то попросту истерлось. Скажи, сколько нужно времени, чтобы настолько сильно стереть кольцо? Отвечу. До хрена нужно времени. Вот.

– Слушай, Коська, – взмолился я, – давай спать ложиться, а? Что-то мне с головой нехорошо. И так туговато было, а тут еще ром. Завтра все додумаем.

В нашей спальне стояла одна здоровенная кровать. Человек пять, поместились бы на ней запросто. Причем, ничуть не доставляя друг другу неудобства. Ну а для двоих это было вообще раздолье. Можно вполне спать, не видя и не слыша своего соседа. Никаких беспокойств мы с Коськой друг другу не доставляем.

Ночь была очень душной. Вентилятор не спасал. Ром никаких снотворных нюансов так же не привнес. Примерно через час бесплодных попыток уснуть, я перевернулся на спину, открыл глаза и уставился в потолок. Попытался еще раз что-то осмыслить и привести в порядок ощущения прошедшего дня. Мысли тоже стали жаркие, тягучие, и потому толком ничего у меня не получалось. Попросту не думалось.

В какой-то момент мне вдруг показалось, что в комнате посвежело. Как будто легкий сквознячок пронесся по моему лицу. Странно. Дверь же вроде закрыта и заперта. Сквозняка не могло случиться. Я приподнялся, чтобы посмотреть, действительно ли закрыта дверь, которая находилась прямо напротив нашей койки, и заорал от испуга. Орал я, как мне думалось, во всю свою луженую глотку. Но на самом деле, ни единого звука из нее не вылетело.

Дверь была открыта. На фоне лунного света, льющегося прямо в дверной проем, виднелся темный силуэт, размером с десятилетнего ребенка. Я не сразу понял, что это было, пока этот силуэт ни расправил свои огромные, как мне показалось, крылья и оглушительно ни каркнул.

Мне вот прямо сразу захотелось куда-нибудь срочно метнуться. Хоть в окно, хоть с балкона. Не важно. Никогда за всю свою ошалелую жизнь мне не было так смертельно страшно. Крик ужаса застрял в моей гортани, так и не выплеснувшись наружу. Поняв, что закричать не удастся, я попытался достать Коську пинком. Да не тут-то было. Во-первых, он слишком далеко, а во-вторых, мое тело меня совершенно не слушалось. От этого стало еще страшнее. Ни одна часть тела не реагировала на команды сходящего с ума от страха мозга. Мне оставалось только лежать и беззвучно орать, наблюдая за происходящим кошмаром.

А происходило, собственно, вот что. После того, как эта черномазая курица, взмахнув крыльями, каркнула, приведя меня в состояние вселенской паники и неопишуемого страха, она, или он, точно не знаю гендерную принадлежность, одним прыжком очутилась на кровати. Аккурат у меня в ногах. Все попытки пнуть его в голову, или хоть как-то спихнуть это черное, крылатое создание, естественно, ни к чему не привели. Медленно, шаг за шагом, мне тогда показалось, эта тварь приближалась к моей голове. Теперь она уже не казалась такой огромной, и я смог отчетливее рассмотреть гостя. Это был ворон. Здоровенный, размером с добрую дворнягу, абсолютно черный ворон. Приблизившись практически вплотную к моему лицу, птица чуть повернула голову с огромным крепким клювом и пристально уставилась на меня своим не моргающим, словно стеклянным глазом. Человеческим глазом. Вот здесь и началось настоящее веселье.

От ужаса мое сознание впало в прострацию. Я не испытывал никаких эмоций и чувств, кроме вселенского страха, он был настолько реален и даже осязаем, что ощущался физически. Мои мышцы, кости, кожа, даже волосы, в буквально смысле выли от боли. Взгляд ворона как будто впился в мой мозг, принося неимоверные муки. Он явно упивался моими страданиями. Так продолжалось целую вечность.

Наконец, закончив осмотр, ворон повернулся ко мне своим хвостом и устремился к левой руке, где красовалось кольцо, не снятое после примерки. Удовлетворенно, как мне почудилось, каркнув, птица, со всей дури долбанула клювом по камням. Второй раз. Третий. Потом пару раз эта сволочь промахнулась и попала как раз по пальцу, на котором то кольцо было надето. Боль от удара была просто дикой. Не обращая внимания на мои беззвучные попытки орать, ворон продолжал долбить по камням, периодически промахиваясь, и вонзая свой клюв в мою руку. Наконец, поняв безуспешность своих попыток и потому оставив их, птица намерилась содрать кольцо своей лапой. Острые когти разорвали в клочья мне кожу до кости. Руку я уже не чувствовал, только видел кровь, залившую простынь.

И тут мне как будто кто-то зарядил отменного пинка. Тело мое обрело подвижность, а горло буквально взорвалось от вылетевшего из него оглушительно крика. Страх сменился на необузданный гнев и непривычную мне звериную, животную ярость. В одно мгновение я с диким визгом кинулся к своему мучителю. Здоровой рукой я схватил его за торчащую перед моим лицом жопу, а калечной, как мог сильно, вцепился в его клювастую морду. Большим пальцем я случайно попал ворону прямо в этот чертов человеческий глаз. Поняв это, я от страха за собственное здоровье, надавил с такой силой, что палец попросту провалился в глазницу, таким образом, вдавив глаз в череп птицы. Внезапно ворон заорал. Не закаркал, а заорал так, как орет от боли человек. Вывернулся каким-то боком из моих горячих объятий, метнулся в дверь и пропал. Как его и не было.

– Димка! Ты че орешь? – тряс меня Коська за плечи так, что головенка моя моталась по подушке как помпон по шапочке. – Проснись, придурок. Хватит орать. Всех перебудил, вон соседи ломанулись из комнат вместе со шмутьем, пробка на лестнице. Думают, что пожар, или еще чего ужасное. Вставай, говорюю... – и хрясь мне в ухо.

А я все ору. Проснулся уже, но все равно ору, остановиться не могу. Минуты две брыкался и визжал, как поросся на бойне. Еле успокоился. Сижу на кровати, дышу как паровоз, глубоко и часто. Пот глаза застилает. Тело все болит, рука горит. В проеме дверном неизвестные личности любопытствуют. А мне не до них. Подношу руку к глазам, смотрю – все нормально. Ни крови, ни разрывов на коже. Вторую руку, тоже все в порядке. Ни хрена себе, мне сон пришел!

Но я не мог поверить, что это был всего лишь кошмар. Не хотел. Не желал. Все было настолько реально, что по идее, и сомнений быть не могло – это было в натуре.

– Коська, – говорю, – меня сейчас чуть птица не изувечила вконец. Вот только что в дверь смылась. Насиловала. Глумилась жестоко, особенно над рукой. Я тебя хотел разбудить. Ну, типа, пнуть, да не смог. Тело не слушалось. И орать не мог. Ничего не мог...

– Чей-то? Ты меня, как раз, пинком и разбудил. Так зарядил, что меня с кровати как одуванчик смело. Опомниться не успел, как ты кричать давай. Ну и я за тобой. Я думал, ты ума лишился. Рожа у тебя к тому же, жуть, какая зверская состроилась. Глазенки повывлазили, руками-ногами трясешь и смертным образом воешь. У меня удар случился. И об пол, и просто нервный. Давай, успокаивайся и рассказывай, чего приснилось.

И стакан чистого рому мне под нос так... на!

Хлебнул я из стакана, даже и не заметил, что это ром. И рассказал все как на духу. Со всеми подробностями, и в красках.

В общем, после моего рассказа и буйного обсуждения, с размахиванием руками, криками и выталкиваниями перепуганных соседей из нашей квартиры, мы все-таки сошлись на том, что

это был сон. Подтверждений, что это происходило в реале – не было. Потому выпили еще для успокоения расшатавшихся нервных окончаний, и пошли досыпать. Время было еще только три часа утра.

– Димка, крикни Мери, чтобы воду включила. А то я зубы не дочистил. Да и тебе нечем умываться. Вода кончилась.

Прерванное на половине умывание – это абсолютно нормальное явление для Гоа. Да и, наверняка, для других мест Индии тоже. Бочки для воды устраиваются на крыше дома. Вот сначала в них закачивают воду из колодцев или водопровода, а уже потом она вытекает из кранов для страждущих, и когда она закончится, никто не знает, особенно, если в доме много народа. Обычно это происходит в самый неподходящий момент.

– Доброе утро, Мери, – поздоровался я, найдя ее в кладовке для белья, – у нас вода закончилась, включите, пожалуйста.

– Доброе... Это кому как, – любезно поздоровалась Мери. – Я с трех часов из-за вас не сплю. Мне, конечно, все равно, чем вы там занимались, но все же прям до жути интересно, чего же там такое произошло, что все жильцы с перепугу кинулись на выход с вещами, а?

В общем, мне пришлось кратко, но все же рассказать о своем безумном сне. Как не хотел я выставить себя беспокойным истериком, но судя по лицу, что состроила Мери, мне это успешно удалось.

– Ты же говорил, что траву не куришь? И алкоголем, вроде, не злоупотребляешь. Чего... вот просто так взяло и приснилось ужасное?

– Ну да, – отвечаю, – сам, типа, в шоке.

– Может, напугал кто? – и смотрит на меня так, участливо.

– Да нет, все вроде нормально вчера было. Все как всегда, – соврал я.

– И ничего необычного не случилось, ни днем, ни ночью? —продолжала пристрастный допрос Мери.

– А вы откуда знаете? – слетело у меня с языка.

– Я, – отвечает Мери, – много чего знаю. Ты – главное, не волнуйся сильно. После обеда зайдите ко мне. Расскажу кой-чего.

– Димка, гаденыш. Где вода-то? Долго я со щеткой за щекой в зеркало себя буду рассматривать?

Блин... про воду-то и забыли совсем.

– Чего разорался? – говорю Коське, поднимаясь по лестнице. – Давно ли соседи в себя пришли? Счас снова собираться начнут, как по свистку. Включила она тебе воду.

При входе в комнату мой взгляд упал на пол, где стояла кровать. Столбняк в очередной раз сковал мое сознание, но уже не так сильно и цепко, как в прошлый раз, видимо организм начал привыкать.

– Коська, – стараясь не орать, но все же довольно громко позвал я. – Коська, иди скорей сюда. Глянь, чего на полу под кроватью валяется.

– Ну чего? – подошел Коська. – Не отпустило, что ли, еще? Показывай.

– Вон, – тыча пальцем под кровать, ледяным шепотом пробурчал я.

– Чей-то? Перья, что ли, какие? Лезь, – говорит, – доставай.

– Сам лезь. Мне до жути ссыкотно. Если это перья, и они принадлежат тому, о ком я думаю, то я уматываю отседова к чертям собачьим. Вот прямо сейчас и уматываю.

Коська полез под кровать и вытащил оттуда пучок черных, отливающих синевой, перьев.

– Только не истери. Это еще ни о чем не говорит. Мало ли, откуда это взялось? Может, это ритуал какой, духов отгонять. Или еще кого. Мери-то видал? Определенно – ведьма. Как есть. У ней на лице это явственно читается, черным по черному – я ведьма, и все к черту пошли. Наверняка она для какой-нибудь полезности это сделала. Чтоб нам спокойней было.

– Ага, ты, Коська, чего, дурак совсем? Какой такой ритуал? Это ж я из хвоста той курицы ночью выдернул, когда меня столбняк отпустил. Пошли на чилаут. Там света больше. Хочу их рассмотреть.

Хоть и жутко мне было, но необходимость прояснить хоть что-то явно пересиливала всякие страхи.

Выйдя на дневной свет, чтобы как следует рассмотреть эти птичьи причиндалы, я сразу забыл про всякие утренние водные процедуры. По одной простой причине. Как только свет утреннего солнца попал на эти перья, они в одно мгновение рассыпались в прах, да так и остались кучкой в Коськиной руке.

– От это дааа, – протянул Коська, – круто. Ворона-вампир. Ну и чего будем делать?

– А я откуда знаю? – тихонько провыл я, хватаясь рукой за лоб, как будто у меня прямо необычайно скакнула температура.

– Ну-ка иди сюда, – схватил меня Коська за руку и развернул ее ладонью к свету.

– Ты че, дурак? – взвизгнул я, вырывая руку, – а вдруг и она, того, хрясь, и в пепел.

– Да не ссы, ты. Вампир недоделанный. Ничего с твоей заготовкой не случится. Я хочу посмотреть. Мне показалось, что на твоей руке что-то есть.

– Что там может быть? Только кольцо.

Оказалось, что не только. Когда я поднес руку к свету, на кисти явственно обозначились очень тонкие, бледные, как от пореза лезвием бритвы, шрамы. Мы смотрели и молчали, не веря своим глазам. Эти шрамы были именно там, где и рвал меня ворон своим когтями ночью. Только они были еле заметные, как будто после порезов прошло уже несколько лет.

– Ты все еще думаешь, что мне приснился сон?

– Нет, – говорит Коська. – Ни хрена я уже так не думаю. Знаю, что, не было у тебя такого раньше. Теперь все более чем ясно стало. У тебя действительно гость был. И ему, действительно, что-то нужно от тебя было. И скорее всего, он это кольцо хотел. Я думаю, что он хотел его не отнять у тебя, а попросту уничтожить. Иначе не стал бы он так усердно дробить и рвать твою руку, пытаясь камни расколоть. Он приходил в тонком мире. В астрале. Потому ты и ничего не мог поначалу поделать. Твое астральное тело не может покидать на раз физическое. Потому как не готово. Но в определенный момент это, все же, произошло. Твой порыв самосохранения был настолько силен, что тонкое тело отделилось от физического и от дальнейшего глумления защитило. И так как астральное и физическое тела неразрывно связаны между собой, то на физическом плане эти следы от когтей и остались. Вот как-то так. Как тебе такой вариант?

– Меня такой вариант, – отвечаю, – вполне устраивает. Я давно за собой замечаю нечто подобное по ночам. Да и книжек по этому вопросу прочитано куча. Сам знаешь. Потому меня такое объяснение нисколько не удивляет, а даже наоборот – радует. Хоть что-то стало проясняться. Вот только, кто это, зачем это, и с какой такой радости это происходит с нами? И что вообще мы должны в данной ситуации делать? Ничего не понятно. Вопросов стало только больше, и их нужно как-то объяснить. Потому собираемся и идем к Ренни.

Утро было еще довольно раннее. Около восьми часов. И так как в это время все магазины, рестораны и прочие богадельни еще закрыты, то мы решили сначала пойти к морю. Все равно, Ренни еще нет на месте, и потому часов до десяти мы вполне себе можем насладиться пляжем.

Ничего не может быть лучше на отдыхе, чем утреннее море. Солнце еще не раскалило воздух, и свежий морской бриз гонит прохладную волну к берегу, в нее нырнуть – верх блаженства. В голубой дали у горизонта, где вода сливается с морем, видны рыбацкие катера, там готовят улов к продаже на рынке. Ну а с рынка он непременно попадет на стол туристу.

Искупавшись, мы уселись в прибойную волну и стали наблюдать от нечего делать за рыбаками. Солнце ласково припекало спину. Как раз время загара.

Берлога колдуна в Непале

Это была неудачная затея. Сунуться за кольцом к человеку, о котором практически ничего не знаешь – верх легкомыслия и безрассудства.

Старый колдун сидел на своем засаленном троне, трясясь и воя от боли. Левая глазница зияла пустотой. Кровь тонким ручейком стекала с лица на черный, неопрятного вида плащ. Словно тысячи раскаленных игл впились в его мозг и не давали сосредоточиться на исцелении. Да к тому же еще, сильно саднило задницу. Скуля и ерзая, он все же попытался превозмочь страдания и обуздать боль. Раньше ему это удавалось с легкостью, но не сейчас. Давно уже он не проделывал таких серьезных ритуалов. Обернувшись вороном, он истратил практически все силы, которые были ему необходимы для поддержания его никчемной жизни. Да и на что он вообще рассчитывает, в таком теле? В принципе, оно не такое уж и старое, и еще долго могло бы служить, если бы не расточительное его использование в молодости. Ясно одно, в таком состоянии он не сможет выполнить приказ хозяина, а значит и не получит новое тело. Нужно срочно что-то придумывать.

Единственное, что ему остается, так это просить помощи у низших асуров. Эти демоны, дети тьмы, до безобразия изворотливы и беспринципны. Ни одна сделка с ними не приносила желаемого результата в той мере, в какой хотелось. Платить приходилось всегда больше, чем ожидалось. Да и не это самое неприятное. Самое поганое то, что их подлость не имеет предела. В самый последний момент, когда, кажется, что цель достигнута, асуры могут просто потехи ради глумливо предать, себе на радость. Даже гнев хозяина не может их заставить отказаться от такого удовольствия.

Но делать нечего. Приказ нужно исполнять, иначе не видать ни нового тела, ни вечной жизни, ни власти. Ничего кроме этого колдуна больше не волновало. Душа. Какая душа? Она уже давно продана за мелкие радости этой мерзкой, но такой желанной жизни. Страх вечного забвения, только он заставлял колдуна идти на все, что угодно.

А вот и они. Асуры. Надо же, ему даже не пришлось взывать. Эти сущности чувствуют свою жертву, а в данной ситуации он и есть их жертва. Масляная лампа, до этого освещавшая тусклым светом комнату, с тихим стуком упала со стола к ногам колдуна. Масло растеклось по полу небольшой лужицей, и тут же вспыхнуло черным пламенем, в котором проявились три безобразных ярко-красных рыла.

– Что ты хочешь от нас?

– А то вы не знаете. Мне нужно исцеление. Немедленно. И чего это, вас сразу трое приперло?

– Не твое дело. По сколько хотим, по столько и являемся. Хоть десятком. Нам, может, жутко любопытно, во что на этот раз ты вляпался, и кто это тебя в морского волка одноглазого обрядил? Явно, на что серьезное нарвался, старый придурок. Это тебе не колхозников своих обворовывать.

– Это вы у хозяина поинтересуйтесь. Он вам расскажет, если сочтет нужным. Хотя, вряд ли. Вам что доверить, это все равно, что весь мир оповестить о своих намерениях. И как он вас, чертей, терпит еще?

– Ладно. Чем жертвуешь за исцеление? Сразу говорим, глаз не вернем. Только залечим рану и силенок подкинем. А повязку сам подберешь. Мы бы на твоём месте, из натуральной кожи замастрячили. Вот из того крестьянина. У него как раз татуировка симпатичная. Гламурненько будет.

– Мне нужно больше, чем просто одноразовое исцеление. Я и потерпеть могу, само пройдет. Мне нужно, чтобы вы постоянно меня поддерживали, если, к примеру, со мной, что случится. А по поводу жертвы? Предлагайте.

Асуры думали недолго. Больше всего на свете они любят кровь. Много крови. Человеческой.

Глава четвертая

Ситуация немного проясняется, но от этого запутывается еще больше

Солнце нагревало воздух все сильнее и сильнее. Время подходило к полудню. Все нормальные здравомыслящие люди в это время с пляжа уходят, дабы не получить по кумполу солнечным молоточком. Но только не пакетные туристы. Им же нужно все успеть. Уложиться по максимуму в десять дней – дорогого стоит. Сутки расписаны плотнячком. Ночь – это святое время для попойки и веселья. Сон, часов до десяти утра. Часов до четырех по полудню – обязательные солнечно-морские процедуры. Хоть и вредные, а куда деваться? Надо! После четырех спадет жара, и нужно во что бы то ни стало, пошопиться. Домой без магнитиков возвращаться – не вариант. На порог не пустят. А супруги еще и доказательство требуют, что на самом деле на морях была, или был, а не по полюбовникам шатались. А магнитик – само то! А потом опять ночь. Только маленький, совсем крошечный процент туристов тратят время, по мнению большинства, совсем уж безрассудно, на достопримечательности. В общем, когда прибрежные шеки и рестораны, к полудню, стали заполняться спешащими на опохмел туристами, мы с Коськой решили, что пора. Пора идти прояснять ситуацию у Ренни.

– Во дела, – подходя к магазину, удивился Коська. – а чёй-то магазин закрыт, а?

– Не знаю. То ли еще дрыхнет, то ли уже дрыхать пошел. Сегодня жарко. Может, поэтому ушел. Хотя, это на него не похоже. В это время он всегда на месте. Пойдем, у соседа спросим.

В доме, где располагается магазин Ренни, есть еще несколько других магазинов. С той же ювелиркой, одеждой и всяким таким барахлом. Войдя в соседний магазин, мы поинтересовались у хозяина, почему закрыто у Ренни, и был ли он сегодня вообще.

– Нет, – отвечает. – Не было его сегодня. Я с десяти часов здесь. Сам удивился, что его нет. Сезон начался неплохо, туристов много. Сиди, да торгуй. Я сначала подумал, что его продавцы опаздывают, но и позже никто не появился. За много лет работы рядом с ним, первый раз такое непотребство созерцаю.

Опаньки. И чего теперь делать? Поблагодарив дядьку, мы перешли на другую сторону дороги и уселись в открытом ресторанчике. Надо что-то закинуть в организм и подумать заодно, чего могло такого, из ряда вон, случиться с Ренни.

– Звони ему, – говорит Коська, – больше вариантов нет. Не домой же к нему идти.

– Трубку не берет, – отвечаю я, – может, номер телефона не тот. Посмотри в своем, вдруг у меня забит неправильно. Я же ему никогда не звонил.

Коська достал свой телефон, сверили. Цифры одни и те же.

– Счас еще наберу. Может, как-нибудь не так соединилось? Афигеть. Тетка индийским голосом сказала, что абонент недоступен. Вот только что был доступен для широкого пользования, а теперь, блин, уже недоступен. Чего делать будем, а? Мало того, что про болотце жуть как интересно узнать, но мне же ему еще и деньги за кольцо отдавать. Да и вообще... Тревожно мне. Пропал человек. А вдруг...

– Молчи, – гаркнул Коська, – никаких вдруг. Этих вдруг, и так уже много было. Не хватало еще, чтобы с ним чего плохое приключилось. Ты адрес его знаешь?

– Ага, – говорю, – знаю. Только запомнил ненароком. Вот, прям, счас память и отшибло. Откуда? Я, чего, у него хоть раз в гостях, что ли, был? Всегда в магазине только и общались. Давай пожрем, и пойдем опять того мужика пытаться. Может, он знает.

Быстро, очень быстро проглотив завтрак, а может уже и обед и запив все это дело местным пивом, мы целенаправленно пошли пытаться того мужика.

Мужик адрес знал, но ни в какую не хотел нам его сообщать.

– Я, – говорит, – вас в глаза раньше не видал. Кто такие? Откуда, и по какому такому делу, вы пытаете у меня его адрес? Может, вы жулики, международного пошиба. Может, вас Интерпол пять лет, как поймать не может. А Ренни мужик состоятельный. Сейчас адрес узнаете, а ночью накроете его особняк медным тазом.

– Уймись, мужик, – ошалел я, – какой Интерпол? Каким тазом? Мы его друзья. Знакомы уже несколько лет. Постоянно ошиваемся в его магазине. Цапки пакетами скупаем. Мы просто волнуемся. Деньги ему вот за это кольцо принесли. Он мне вчера его продал, – и сую ему под нос руку, чтобы он удостоверился.

Мужик глянул на кольцо, потом на меня. Потом снова на кольцо.

– Хорошее. А чего вы ему не позвоните? Раз друзья, должны телефон знать.

– Звонили уже, – встрял Коська, – сначала трубу не брал, потом нам девка сказала, что абонент недоступен. Ты мужик, чего, и правда думаешь, что мы такие идиоты? Не позвонив – к тебе сразу ломанулись? Если хочешь, с нами поехали. Тебе же тоже любопытно.

Дядька почесал лысину, пару секунд подумал.

– Поехали. У меня машина за углом.

Ехать пришлось совсем недолго. Мы и не думали, что Ренни так близко живет. Подъехав к дому, отвесили тятки. Все трое. И не только от того, что красавец-дом поразил наше чувство прекрасного. Дом, действительно, был просто великолепный. Все-таки, стекло и камень – это прекрасное сочетание. Особенно в умелых руках строителей и пытливой голове проектировщика. Да еще на ярком солнечном свете. Но больше всего нас поразило, что все окна, входные и балконные двери, были наглухо запечатаны рольставнями. Дом производил впечатление нежилого, и если бы не разбросанное по двору кое-где шмотье, видимо в спешке, то можно было подумать, что там никто и не жил никогда. Особняк покидали спешно, особо не заботясь, что вещи достанутся местным побирушкам, да жуликам.

– Чо, всем семейством свалили? И куда это они так торопились, что даже тачку в гараж не загнали? Вон, видишь, – ткнул пальцем Коська, – из-за угла дома синий бампер торчит. Пошли, глянем.

Вылезли мы из машины и отправились рассматривать двор. Семейство действительно уматывало в жуткой спешке. Со стороны дороги было не очень заметно, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что задний двор особняка весь, в буквальном смысле, усеян разным домашним хламом. Видимо, пытались забрать с собой как можно больше вещей, но по ходу этой операции пришлось избавляться от наименее нужного. Машина стояла, упертая мордой в открытый гараж. Не хватило, наверное, времени даже загнать.

– Стоп, – осенило меня, – а на чем же они умотали? Не на вертолете же? У них же всего один автомобиль, тот, что счастливо стоит мордой в тупик.

– На мотоциклах, – предположил Коська. – Вон видишь, из гаража следы двух байков к дороге ведут.

– Да ладно, – заржал я, представив эту компашку байкеров, увешанную чемоданами и сумарями, лихо зажигающую по просторам Индии, и непременно в немецких касках.

– Ты, Коська, в своем уме? У него жена на сносях. Какой ей байк с пузом? На первой же кочке родит. А дочка? Ну да хрен с ней с дочкой, ее на заднем сидении увезти можно. Но жена... Нее. Ее нельзя на байке. Да еще и наверняка кучу шмотья с собой поперли. Не знаю, в общем. Да и не это самое важное. Важно – почему и куда?

В общем, вопросов стало еще больше. Что естественно не добавило нам никакого оптимизма. Сплошное расстройство, и нам ничего не оставалось, как вернуться назад ни с чем.

– Пойдем к Питеру. У него в прохладе посидим. Поедим чего-нить. А то нахватались непонятно чего второпях, – предложил Коська.

Зайдя в наш любимый ресторан, мы уселись у самого края, с видом на центральную улицу. Заведение было летнего, открытого типа, под соломенной крышей. Вовсю работали вен-

тиляторы, подвешенные к потолочному каркасу, и потому жару пережить здесь было одно сплошное удовольствие.

Не успели сесть, как к нам подскочил официант незнакомой наружности, подал меню и отошел чуть в сторону, смиренно ожидая, пока мы чего-нибудь выберем.

– Извините, а где Питер? Выходной, что ли, сегодня? – обратился я к неизвестной наружности.

– Нет, сэр. Он отпросился у шефа, по какому-то очень срочному и важному делу. Ушел вот буквально десять минут назад.

И тут я вдруг вспомнил, что у нас тоже есть очень неотложное дело. Мери сказала, чтобы мы непременно после обеда зашли к ней. Типа, хочет нам поведать нечто нужное. У меня прям засвербило везде. Сижу, ерзаю.

– Ты чего? – спросил Коська.

– Заказывай быстрее, – говорю, – едим и чешим до Мери. Она просила прийти. Нехорошо даму почтенного возраста заставлять нас ждать. Тем более, ведьму. Помелом по харе пройдет осерчавши, не очухаемся.

Через сорок минут, мы уже стояли у ее двери. Только Коська поднял кулак, чтобы бухнуть им в дверь, тем самым известив о нашем явлении, как раздался голос Мери.

– Да заходите уже. Ждем давно.

Ключевое слово для меня в тот момент, оказалось – «ждем». Это с кем, интересно? Не успел я додумать, как дверь раскрылась, и Коська меня буквально в нее впахнул.

Картина, что открылась перед моим взором, была жуть, какая интересная. За стоящим посередине гостиной круглым столом с серьезными мордами сидели Мери, Юльке и Питер.

Ничего себе! Вот это неожиданность. Каким образом эта троица оказалась вместе, и почему именно к нашему приходу? Насколько я помню, Мери никого из них не упоминала. Понятно, что с Юльке она давно знакома. Но, что она и Питера знает, для нас это оказалось неожиданностью. Хотя Гоа – как большая деревня. Здесь все всех знают, ничего особенного, если вдуматься.

– Здасьте всем, – идиотским голосом проскрипел я.

– Давайте, садитесь, – пригласила Мери, – времени мало, а рассказать нужно много. – Вы, насколько я поняла, ни фига в сложившейся ситуации не разбираетесь. Верно?

– Очень верно, – буркнул Коська, – мало того, мы еще и не понимаем, как вы трое все разом здесь очутились? Верней, чего здесь Питер и Юльке делают? И каким, извините, боком, это все отношение к нам имеет?

– Я вас вспомнила, – смущенно улыбнувшись, оповестила Юльке.

– Ну надо же, а? Проветрилась, что ли, к утру? – съязвил я, – а мы-то подумали, что тебе вовсе память напрочь отшибло. Уж и не надеялись на возвращение и вспоминание.

Юльке обиженно надула и без того свои пухлые губищи и стала похожа на грустную рыбу.

– Ну ладно, – вставила Мери, – не обижай девочку. Она и без того от этой потери памяти чуть не сдвинулась. Всю ночь напрягалась-вспоминала, откуда ей ваши лица знакомы. А как вспомнила, так ко мне сразу прибежала. Вы, наверное, заметили, что Вас помнят только очень немногие? Верней, всего пара-тройка человек? Это для того, чтобы вас не отвлекать. Чтобы вы были как можно более свободны от всяких ненужных знакомств. Потому как дело у вас первостатейной важности. И...

– Так. Стоп, – прервал я ее, – подождите. Не отвлекать от чего? От какого такого дела, о котором мы ни сном, как говорится, ни духом? И для кого это дело первостатейное? Мы ни на какие ваши дела не подписывались. Мы сюда в отпуск приперли, пошатнувшееся здоровье поправлять, физическое и душевное, которые, не ровен час, лопнут, от недостатка витаминов, моря и солнца. И нам бы, по возможности, конечно, очень хотелось...

– Да, знаю я, чего бы вам хотелось, – перебила Мери. По всему видно было, что она тут за главаря, – но дело в том, что мы и сами ничего толком не знаем. Очень мало. Знаем, что те люди, которые вас помнят, должны вам в чем-то содействовать. Я, к примеру, ввести вас в первоначальный курс дела. Питер и Юльке... Не знаю, нахрена они вам. Вот честно, мне об этом не говорили. Сказали только, что нужны. И все. Не сейчас, так в будущем. Но вы должны узнать, что можете на них положиться и довериться. А пока, пусть остается все как есть. В общем, дело здесь довольно мутное и запутанное. Мне приказали до вас довести, что узнавать все вы будете частями. По ходу действия. Потому как никто толком не знает, как поведете себя вы в той или иной ситуации, и какие обстоятельства могут сложиться от ваших действий. Единственное, что могу сказать, вы на это подписались. Это абсолютно точно. Только не помните. И не в этой жизни это было. А может и вообще... не в жизни, а между! Все, что вам нужно, будет дадено по мере необходимости, и опять-таки, по поступлению неприятностей. Так что не дрейфите, мальчики, все будет хорошо. Вот.

– Очень интересно, и прям избыточно содержательно, – сорвался я, – и кто это они? И почему именно вам они все сказали? И вообще, если честно, то я ни хрена так и не понял.

– Ну... они! – закатив глаза под потолок, сказала Мери, – непонятно, что ли? Они! Верней она, по большей части. Я гляжу, Ренни тебе уже и колечко подогнал? Быстро он. Ну да ладно, теперь по поводу нее. В принципе, могли бы уже и сами давно догадаться, кто она. Вам же столько знаков от нее послано было. Пруд загнивший по приезду видали? Чего в нем росло? Правильно. Лотосы. У Ренни в магазине вазу древнюю наблюдали? Танцовщицы на ней что в руках держали? Лотосы. Что в вазе плавало, и что служанка к вашему приходу в нее напихала? Лотосы. Зря, что ли, она, рискуя здоровьем, их срезала? А теперь самое главное. Вы кольцо хорошо рассмотрели? И то, в чем оно лежало?

– Ну, как бы, да. Не новое. Царапины там, потертости всякие. А шкатулку так, только мельком, – промямлил я.

– Иди. Тащи шкатулку.

Через пару минут я приволок тяжеленную коробочку. Мери взяла ее в руки и с ехидством сунула мне под нос.

– Гляди. Чего на ней вырезано?

– Лотосы...

– Снимай кольцо. Теперь посмотри на свет камни. Что видишь?

Мать твою... Как же мы раньше не рассмотрели? Посмотрев на свет, я увидел, что в каждом камне красовался маленький, темно-синий, почти черный лотос. Эти лотосы были не вырезаны на камнях, и не вделаны или впаяны в них. Лотосы, как будто, составляли с камнями единое целое. Они явно были там всегда, внутри камней. Они – нерукотворные! Только из-за того, что они были чуть темней основного цвета камней, их и можно было разглядеть. Да и то, если только на свету.

– Ну. Чего тупите-то? – рявкнула от нетерпения Мери. – Теперь доперло, кто она? Эх вы... А мне она сказала, что вы вроде умные.

– Это же Лакшми. Это ее цветок. Ее символ, – прошамкал Коська.

– Ну да. Каждый приезд сюда к ней в храм мотаетесь. Статуэток домой накупаеи. Разговариваете с ней. Особенно ты, – ткнула она в Коську пальцем. – А распознать своего благодетеля не можете.

От такого откровения стало просто жутко. Все мы время от времени, выбираем себе того или иного покровителя. Кто осознанно, а кто по умолчанию. Например, когда детей в христианской церкви крестят – это по умолчанию. Младенец еще не осознает, кто такой Христос, для чего он нужен, он его даже не знает, но его уже покрестили, и тем самым практически насильно обязали служить. Это неправильно. Каждый человек имеет право на выбор. Он должен знать, кому служит. И самое главное – хочет ли он этого.

В первый свой приезд в Индию мы только слышали об индуизме и практически ничего не знали о богах. Мало-помалу, с каждым новым приездом, узнавали все больше. Интересовались. Втягивались. Впервые в храм Лакшми мы попали в Бомбее. У нас был экскурс по посещению индуистских храмов. Поднесли жертвенные дары богине, мысленно с ней пообщались, попросили, как это и положено – о счастье, здоровье, исполнении задуманных планов. На этом, казалось бы, и все. Интерес, по идее, должен был иссякнуть. Но, как это ни странно, в ту же ночь нас обоих посетила она, богиня. Во сне, конечно. Но помнили мы об этом очень хорошо. Оба. С тех пор и повелось у нас каждый приезд в Индию посещать храм этой замечательной особы.

Вот только одно дело храмы посещать, да подношения оставлять, и совсем другое, столкнуться с такой штукой напрямую. В моей голове очень даже трудно переваривалось, что Лакшми, получается, не просто абстрактный мифический персонаж индуистской мифологии, а вполне себе реальное явление. Которое, как ни крути, втянуло нас в какую-то только ей известную заморочку. Это открытие было настолько неожиданным в тот момент, что напрочь лишило меня, да и по всему видать Коську, возможности даже полноценно реагировать на происходящее. Сидели мы за этим ведьминым столом, как два потерявшихся щенка. Ну, разве что не поскуливали от страха.

– И еще, – услышал я издали Мерин голос, – никакая я вам не ведьма.

– Чё? – пролепетал Коська.

– Чё-чё... Не ведьма я, говорю. Служительница. И эти двое тоже служители ее. Всем сердцем и душой преданные.

Глянули мы на Питера и Юльке. Сидят такие себе, ничем особо не примечательные, обычные индийские граждане, хлопают глазенками, Мери слушают и вопросов не задают. Юльке хоть симпатичная, можно даже сказать, красивая. А Питер? Кривоножка с пузиком. Служитель он... хмм.

– Слушай, Мери, – уставшим голосом спросил я, – ну ладно, хрен с ним, вляпались. Но во что? Чего от нас требуется? Все эти знаки, шкатулки с прудами, лотосы, боги, кольцо. Кстати, про кольцо. Зачем оно нам? Что оно от Лакшми, это мы поняли. Но чего в нем такого, что какая-то вредная птица изгалялась надо мной полночи, пытаясь его выклевать? Мы тут чего, во властелина колец, что ли, играем? Фильм глядела про прелесть, нет?

– Я вообще не понимаю, – пробурчала Мери себе под нос с задумчивым видом, – по какой такой важной причине Лакшми свое кольцо вам отдала. Это кольцо только ее. С начала сотворения оно предназначалось только ей, и с ним она не расставалась. Никогда. Понимаете?

– Понимаем, – это уже Коська, – но, а может, оно ей надоело? Столько времени одно и то же кольцо таскать. Может, ей цапки поменять захотелось. Богиня-то, конечно, богиней, а как ни крути, все же женщина.

– Нет, – вдруг вмешалась Юльке, – это кольцо не просто украшение. Это кольцо воплощения. Без него Лакшми не сможет воплотиться на земле. У всех богов по несколько аватаров, и каждый из них воплощает в себе одну из сторон того или иного бога. Добро, зло, хитрость, жадность, знания, любовь и много чего еще может принести с собой в этот мир аватар. Зависит от того, с какой целью бог хочет воплотиться. Вот Парвати, к примеру, если хочет принести на землю зло и разрушения, воплощается в виде богини Кали, и помогает ей в этом ожерелье. Из черепов человеческих. У Шивы это трезубец. У Кришны – дудка. В общем, у кого что. А вот у Лакшми – лотос и это кольцо. Только, что к какому аватару относится – я не знаю. Короче, я думаю, что если это кольцо хотели уничтожить, значит, кто-то очень могущественный, возможно тоже из богов, очень даже и не желает, чтобы Лакшми воплотилась в одном из своих аватаров. Вот так приблизительно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.